

ОЧИЩЕНИЕ

Лана Прозак

Я вижу огонь в твоих глазах.
Языки пламени твоего личного ада.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Лана Прозак

Очищение

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Прозак Л.

Очищение / Л. Прозак — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная
буква»)

ISBN 978-5-532-99004-3

Несколько дней назад около католической церкви обнаружили изуродованный труп девушки. Расследовать это дело взялась Ева Тайнова – старший следователь, которую, несмотря на выдающиеся успехи в раскрытии преступлений, откровенно недолюбливают коллеги. За плечами у Евы не только сотни расследованных убийств, но и личная драма. Когда она была маленькой, ее родителей жестоко убили у нее на глазах, но о том дне она ничего не помнила. И теперь, когда в городе появился маньяк, ей придется вспомнить все... Кто он – убийца, возмнивший себя спасителем и мессией? Удастся ли Еве выйти на его след до того, как город утонет в крови невинных жертв? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99004-3

© Прозак Л., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1. Начало конца	5
Глава 2. Совпадение	12
Глава 3. Всё ещё хуже	21
Глава 4. Тушёнка или рагу?	27
Глава 5. Битва	41
Отголоски прошлого	48
Глава 6. Собрать всё воедино	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лана Прозак

Очищение

*Я вижу огонь в твоих глазах. Языки пламени твоего личного ада.
И ты будешь гореть в нём, пока не испепелишь себя полностью.*

Глава 1. Начало конца

- Здравствуйте, Тай... Ой, Ева Александровна, там...
- Кто сидит у меня в кабинете?
- Как вы? Неважно... Ева Александровна, я знаю, вы не любите, когда люди ждут вас в кабинете, а не в приёмной, но...
- Но там не люди? Кто?
- Астов Виктор Вениаминович и Илюшин Степан Васильевич.
- Надеюсь, это первоапрельская шутка?
- К сожалению, нет.
- Танюша, скажу тебе на будущее, – Ева поправила волосы и переложила папку с документами в другую руку, – если у тебя когда-нибудь будет свой кабинет и там тебя будут ждать начальник следственного управления Следственного комитета и прокурор – беги!
- Ладно, но они там уже тридцать минут. Я чай им принесла.
- Чай? И ты ещё жива? Странно.
- «Прокурор? Серьёзно? – думала Тайнова, подходя к двери своего кабинета. – Ну, посмотрим, что приготовил нам прокурор».
- Она открыла дверь и вошла в серпентарий.
- Добрый день, господа. Что могло заставить вас вторгнуться в мой кабинет без приглашения? Скорее всего, нечто просто ужасное, Йети?
- Степан Васильевич, познакомьтесь со старшим следователем Фрунзенского административного района Тайновой Евой Александровной, – сказал мужчина в тёмно-синей форме, вставая со стула. – И у неё странное чувство юмора. Бывает в нашей профессии.
- Рад знакомству, Ева Александровна, много слышал о вас как о хорошем сотруднике полиции. Десятипроцентная раскрываемость по вашему району – это отличный показатель, – говорящий был абсолютно обычным человеком, не опознаваемым, без видимых отличительных признаков. Его не заметишь в толпе, его не вспомнишь после разговора, и только фиолетовый галстук отвлекал внимание от его безликости.
- Десятипроцентная раскрываемость? Куда же делись ещё два? Странно... Но я тоже рада знакомству, – Ева умела скрывать свои чувства, когда это требовалось. – Виктор Вениаминович, вас я тоже рада видеть. Присаживайтесь. Так, и что привело вас ко мне?
- Разговор решил начать Виктор Вениаминович – начальник следственного управления следственного комитета города. Пятьдесят восемь лет, полноват, седой, улыбочивый. Таких людей обычно называют душой компании, но это только на первый взгляд.
- Ева... – мужчина нервно закашлялся. – Я думаю, что никто из присутствующих не будет против, если мы перейдём на «ты». Зачем нам лишние стеснения, правда? Так вот, Евочка, мы пришли поговорить о последнем твоём деле, – он поправил галстук, – расследование которого ты начала вести пару дней назад.
- Витя, ну, мы же перешли на «ты»? Так вот, Витя, вы говорите о девочке, которую нашли около католической церкви, разрезанной вдоль брюшной полости и изнасилованной? Замечу: изнасилованной после смерти, – Тайнова наигранно улыбнулась.

– Виктор Вениаминович, разрешите, – безликий человек своим безликим голосом продолжил: – Ева Александровна, я понимаю вас. Вы мастер своего дела, талантливый сотрудник. Наша служба никоим образом не хочет мешать вашей работе, но сложились такие обстоятельства, что мы вынуждены забрать у вас это дело. И если вы обладаете какими-либо данными, дополнительными данными, по этому делу, прошу передать их мне. Наше ведомство будет вам благодарно.

– Степан Васильевич, со всем уважением, но я хотела бы уточнить. Насколько я знаю, ваша служба вмешивается только тогда, когда в деле участвуют определённые люди. Я не знаю, в чём эта девочка была замешана при жизни и с кем она общалась, но уверяю вас, что её смерть никоим образом не перекликается с вашими «определёнными» клиентами. В любом случае, если вы хотите это дело, забирайте, – Тайнова пододвинула папку с документами мужчине, – но помните: в «наказание» после смерти никого не насилуют, тут нечто иное.

– Дальнейший разговор не имеет смысла. Виктор Вениаминович, попросите капитана Тайнову передать весь материал по делу. На этом всё. До свидания, Ева Александровна.

После этих слов обладатель фиолетового галстука пожал руку генералу Астову и вышел из кабинета.

Ева не произнесла ни слова. Она лишь смотрела в спину удаляющемуся человеку.

Есть вещи, которые тебе не по душе, есть вещи, которые тебя злят, а есть вещи, которые до боли в кулаках, до скрежета зубов ты не в силах простить. Тайнова редко прощала людям их поступки, и кража дела как раз входила в этот список.

Когда дверь захлопнулась, заговорил Виктор:

– Ты всё равно ничего не сделаешь, Ева. Завтра отдашь дело Егорову, он доставит весь материал куда надо. Если есть то, что ты ещё не успела вписать в отчёт, сделай это сегодня! – мужчина встал со стула, поправляя последнюю пуговицу своего пиджака. – Забудь об этом деле. Это, если хочешь, приказ!

– Астов, если они хотят это дело, то пусть забирают со всеми потрохами, только когда всё выйдет из-под контроля, не надо бежать ко мне! А это дело ещё покажет себя, запомни мои слова! Моя интуиция на всё это дерьмо ещё никогда меня не подводила, – Ева тоже встала.

– У них есть информация...

– Серьёзно? Ты серьёзно?! У них есть информация, о которой не знаю я?! Давай я кое-что тебе разъясню! Они понятия не имеют, кто убийца! Единственное, что они могут знать, – это то, что она как-то замешана в связи с одним из сильных мира сего, но убили её совершенно не из-за этого! А вот что знаю я: этой девочке пятнадцать-шестнадцать лет, на неё напали, нанеся удар тупым предметом в затылочную часть головы, от которого она не умерла. Потом, когда она уже была на земле, нанесли тринадцать ножевых ранений! Ровно тринадцать! Замечу: ни одного орудия нападения на месте преступления найдено не было! Затем, когда она ещё была жива, ей вспороли живот от паха до груди и вот только потом изнасиловали! А она была девственницей, твою мать, бедной девочкой! Так каким хером здесь замешаны «они» и их херово расследование? Пройдёт время, Астов, и ты будешь умолять меня взять это дело обратно. Они ничего не найдут и скинут всё на нас. И виноваты будем мы. Поздравляю!

Ева сняла пиджак и со всей злостью кинула его на стул.

– Ты давно не была у Антона? Я прав? Опять срывы? Ева, девочка моя, – Астов никогда не повышал голос. За время своей службы он много чему научился, но хладнокровие – это именно та черта, за которую ему можно было дать награду, – Евочка, ты всегда ищешь во мне предателя, отступника, оборотня в погонах... Я понимаю тебя и не злюсь. Твоему возрасту и твоей натуре свойственны эмоциональные всплески. Я не злюсь. Я многим обязан твоему отцу и ещё больше ему обещал, жаль, что не смог всё выполнить. Не буду спорить, что бриллиантом следственного управления ты стала сама, благодаря своим способностям. Я лишь указал на

нужную дверь, а вошла ты сама. Но когда я говорю «не спорь», значит, не спорь. Молчи. Итак, как давно ты не была у Антона?

– Сейчас посмотрю в ежедневнике... Хм... Я не была у него на приёме очень давно, и ещё столько же собираюсь там не появляться! А про отца ты лучше не вспоминай, потому что я тоже могу вспомнить ту ночь и ту жизнь, где тебя не было, когда решалась судьба моей матери. Так что не смей.

– Да, Ева, я до сих пор сожалею, что меня тогда не было, но я полюбил тебя как родного ребёнка, которого у меня забрала судьба. Жаль, но жизнь состоит не только из радостей, – Виктор Вениаминович на секунду задумался. – Завтра все документы должны быть готовы, – мужчина почти ушёл, но в последний момент застыл около двери и задумчиво произнёс: – Забыл сказать ещё одну вещь: ты уходишь в отпуск! Рада? Знаю, что нет. На следующей неделе уезжаешь из города. При расследовании последнего дела ты намозолила некоторым людям глаза, пусть всё немного успокоится. Это приказ, – с этими словами Астов вышел из кабинета и стуком двери поставил жирную точку в их разговоре.

* * *

Ранняя весна в этом городе больше похожа на позднюю осень. Влажный холодный воздух проникает под кожу, ветер неистовыми порывами сковывает льдом саму душу. Всё смешивается, всё превращается в один большой пульсирующий ком серого цвета.

Дождь барабанил по лобовому стеклу автомобиля, и Ева не спешила покидать салон своей машины. Она задумчиво смотрела на приборную панель, размышляя о событиях прошедшего дня. Странное дело: никаких зацепок, свидетелей, родственников убитой. В базе пропавших людей эта девочка не числилась. Прокурор: зачем им забирать это дело, какая информация им известна? Нежданный отпуск: кто эти люди, которым она «намозолила глаза»? Она ненавидела это чувство надвигающейся беды. Что-то страшное должно было произойти, какая-то безмолвная угроза надвигалась на город, и она не могла этого предотвратить.

Ева вздрогнула. Из размышлений её вывел настойчивый стук. Какой-то мужчина барабанил в окно автомобиля. Из-за сгущающихся сумерек девушка не сразу узнала лицо этого человека, а когда узнала, то стало ещё хуже. Это был Антон.

«Вот только этого сегодня не хватало, – думала Тайнова, выбегая из машины под проливной дождь. – Мозгоправ явился сам».

– Здравствуйте, Антон, что вы тут делаете?

– Приветствую вас, Ева! Как говорится, если гора не идёт к Магомету, то Магомет сам. Вы пропустили четыре консультации, я решил вас провести.

– И Астов тут совсем ни при чём? Он вам не звонил и не просил прийти ко мне?

– Вы проницательны, как всегда. Ну, он всего-навсего немного приблизил дату моего визита, а так я и сам собирался напроситься к вам в гости. Может быть, пригласите зайти? На улице не самая хорошая погода.

– Нет, – Ева не приглашала гостей и сама никогда не ходила в гости, у неё не было друзей, не было желания их заводить, не было необходимости в общении с кем-либо.

– Ева, нам сегодня придётся поговорить, хотите вы этого или нет. Мы можем сейчас поехать ко мне в офис, но по пробкам в такой дождь доберёмся не ранее чем через два часа, так что, я думаю, лучше пройти к вам в квартиру.

– Я так понимаю, третий вариант, в котором вы просто скажете Астову, что мы поговорили, вас не устроит?

– Нет, об этом и речи быть не может, нам нужно поговорить.

Последнее, что могло окончательно испортить сегодняшней день, так это вечерний разговор с психологом. Хуже этого мог быть только незванный гость в её квартире, но всё вкупе

находилось за гранью терпения. Стоя под ледяным дождём, девушка закипала от негодования и пронзающего холода. Струйки студёной воды, стекая по волосам, попадали за шиворот пальто, от этого озноб и озлобленность становились ещё сильнее. Она не могла больше сопротивляться холоду, усталости и злости. Ева сдалась.

– Выбор у меня нет, поняла. Ну что же, пройдемте, – Ева кивком головы пригласила Антона следовать за ней. Молодой мужчина в длинном светло-коричневом плаще, держа над головой портфель, покорно последовал за девушкой, неуклюже перепрыгивая через лужи.

Антон – молодой преуспевающий специалист около тридцати семи-сорока лет, высокий, атлетически сложенный, обладатель гладко выбритой головы и карих глаз. Стаж работы в области психологии более тринадцати лет. Он являлся внештатным сотрудником полиции, к которому часто обращались за психологической помощью. Также занимается частной практикой – весьма успешно. Хороший знакомый Астова – это всё, что про него знала Тайнова.

Она жила в многоэтажном доме на окраине города. Собственного жилья у неё не было, и она снимала маленькую двухкомнатную квартиру. Тайнова не считала это своим домом, скорее, местом, где можно переночевать и утолить другие естественные потребности.

Двое молча стояли в кабине лифта, пока тот вёз их на восьмой этаж. Оба испытывали дискомфорт от неловкого молчания и тесноты помещения. Лифт остановился и открыл свои двери на нужном этаже. Лестничная клетка этого дома ничем не отличалась от тысяч таких же лестничных клеток тысяч других домов России. Девушка достала связку ключей из кармана пальто и, открыв дверь, жестом пригласила мужчину войти.

– Ты поклонница минимализма, – прервал молчание психолог, снимая промокший плащ. – Я не удивлён.

– Сегодня все стараются перейти со мной на «ты». Хорошо. Я не понимаю, о чём ты говоришь. Какого минимализма? У меня нет картин, – Ева, не снимая грязных сапог, прошла вглубь квартиры и наспех закрыла дверь, ведущую в спальню. Мужчина к этому времени уже снял верхнюю одежду и стоял посреди гостиной, с интересом разглядывая окружающую обстановку.

– Я имею в виду минимализм в интерьере. Один стул, одно кресло и один стол. Нет даже телевизора.

– Есть ноутбук – этого достаточно. Кофе или чай? – Тайнова сняла с себя промокшее пальто и свитер и, оставаясь в чёрных джинсах и белой майке, прошла на кухню. – Так кофе или чай? Сахара нет, молока и сливок тоже, хотя... Чая тоже нет, значит, чёрный кофе. Видишь, как я облегчила тебе выбор?

– Спасибо. Кофе подойдёт. Ты закрыла дверь в спальню, что-то скрываешь от меня? У тебя там страшная тайна или просто не убрано?

– И то, и то, – Ева всё больше раздражалась. Она чувствовала себя как подопытная мышь на операционном столе, которую препарировали, изучая внутренние органы после опытов. – У тебя нет шансов попасть ко мне в спальню ни при каких обстоятельствах! Даже не мечтай.

Почувствовав аромат завариваемого кофе, психолог зашёл на кухню и застыл от удивления.

– Что-то не так? – заметила его замешательство Ева.

– А для тебя в порядке вещей заваривать кофе в чашке для супа?

– Нет, так как я обычно пью кофе из единственной кружки в этой квартире, размешивая его единственной ложкой. И ещё у меня одна тарелка, одна вилка, одна супница, одна сковорода и одна кастрюля. Я не приглашаю в гости друзей, так как у меня их нет. Нет друзей, нет врагов, есть только знакомые. Но сегодня здесь ты, и, как гостю, тебе достаётся кружка, а мне кофе в чашке для супа, что-то не так? И ещё, ты не опер и не следователь, а я не подозреваемая, так что не надо разгуливать по моей квартире с видом Пуаро, расследующего загадочное

убийство. Ты копаешься у меня в голове уже сколько – семь или восемь лет? Не делай вид, что удивлён обстановкой моего жилища.

– Ты права, я был бы больше удивлён, если бы увидел здесь картины, расшитые крестиком, и гору мягких игрушек, а так всё в твоём стиле. Стиль мизантропа.

– Давай закончим с этим делом побыстрее. О чём ты хотел со мной поговорить? – Ева села в кресло. Антон сел за стол в гостиной с чашкой кофе.

– Ты неправильно подходишь к делу. Скорее, о чём ты хочешь мне рассказать. Сегодня мне позвонил Виктор и сказал, что у тебя был срыв. Это так?

– Нет.

– Ты считаешь, что не было срыва?

– Нет, я так не считаю, его действительно не было. Я, возможно, повысила голос в разговоре с генералом Астовым, но не срывалась. Да, был тяжёлый день, не более того.

– Расскажи, что случилось, – надоедливый гость открыл свой портфель, достал блокнот, ручку и очки.

Это Ева ненавидела: сейчас он натянет на нос очки и с видом слишком умного человека будет делать записи в своём блокноте.

– Не вздумай делать записи, – сквозь зубы процедила Тайнова. – Мы не у тебя в кабинете, – всё больше злясь, не успокаивалась она.

– Извини, дело привычки, – мужчина убрал блокнот и ручку обратно в портфель. – Я просто хотел достать очки. Продолжай.

– Почему день не задался? Во-первых, с утра я была на месте преступления, хотела найти свидетелей. Я зашла в католическую церковь, которая находится поблизости от места обнаружения тела, там мне встретился священник, или как там они называются в католицизме? Неважно... От него я ничего не узнала, но получила бесплатную проповедь, что-то там про огонь в глазах, языки пламени ада в душе и так далее, и так далее. Толку ноль. Кстати, был чем-то похож на тебя. Потом ко мне в кабинет ворвались Астов и господин Илюшин, Илюшин Степан Васильевич, прокурор, между прочим. Они, ничего не объяснив, забрали у меня дело. «Просто забудь, ничего не было, этого трупа не существует». Как всё просто, правда? Но это ладно, теперь вишенка на праздничном торте – меня высылают из города. Отправляют в ссылку как декабриста. «Ты перешла кому-то дорогу, уезжай, пусть всё успокоится». А я даже не знаю, кому перешла эту дорогу. Я должна покинуть город, это приказ! Самое интересное, что мне некуда ехать. На этом всё. Ну... что скажешь? – Ева закончила свой монолог и сделала глоток уже остывшего кофе.

– Скажи мне, что тебя больше всего беспокоит. Выдели главную проблему из трёх: отнятое дело, ссылка или тот факт, что тебе не к кому поехать?

– Не знаю, – хозяйка квартиры сделала глубокий вдох. – Всё вместе и ничего одновременно. С другой стороны, это дело – глухарь, и хорошо, что его забрали. В отпуске я не была года два, можно было бы и отвлечься. Есть у меня давний знакомый, мы лет пять назад работали над одним делом, я тогда ещё опером служила, но он живёт в Америке, в Нью-Йорке, так что... Хотя, если Астова поднапрячь, он достанет мне и визу, и рапорт на выезд из страны, – Ева посмотрела в тёмное окно, по которому барабанил ледяной дождь, а ураганный ветер неистово старался прорваться в квартиру. Она поёжилась. – Нет. Всё не так. Знаешь? Я чувствую... Я ощущаю нечто тревожное в этом во всём, не знаю, как это объяснить. Я чувствую опасность... Глупость... Не было никакого срыва, Астов вечно всё преувеличивает.

– Астов? – гость повторил фразу девушки. – Ты всегда называешь его «Астов» или «генерал Астов», ты никогда не называешь его по имени или имени-отчеству. Ты злишься на него? За что? Ты злишься на него из-за смерти своего отца? Хотя он заменил тебе его, он всегда был рядом, стал почти приёмным отцом тебе, он твой наставник. Откуда такой холод по отношению к нему?

– Что? Нет. Даже и не думай, нет, нет, нет... Ты хотел поговорить о сегодняшнем дне, мы поговорили, я не собираюсь начинать всё с самого начала и копаться в моей прошлой жизни. Я не хочу снова и снова всё вспоминать, я это делала слишком много раз, и ничего не помогло. Я не помню событий той ночи! Не помню! Каждый раз, когда мы с тобой встречаемся, ты сводишь диалог к этому, зачем? Эта тема закрыта. Я не виню Астова в смерти своего папы, так как его убил не он, а тот алкаш, который пырнул его ножом при задержании. Так что не надо. Астов – просто Астов, потому что он Астов. И точка.

– Хорошо, прости, если ты не хочешь говорить об этом, мы не будем, – Антон сделал последний глоток. – Можно мне ещё кофе? – Ева взяла стакан и ушла на кухню, а собеседник продолжил: – Тогда расскажи мне о своём знакомом. Кто он, как вы познакомились?

– Он детектив, работает в Нью-Йорке, теперь уже старший детектив Роберт Пратт. Лет пять назад, как я уже говорила, мы работали над одним делом. Было совершено особо тяжкое преступление: убита молодая девушка у себя в квартире, также был убит её десятилетний сын. Расследование указывало на человека, который являлся гражданином Российской Федерации и, возможно, скрывался в нашем городе. Он проживал и работал в Америке, имел грин-карту, подозревалось, что после совершённого им преступления он покинул Америку и прилетел обратно в Россию. Также стало известно, что он похитил крупную сумму денег с последнего места работы. Проще говоря, американцы попросили содействия в поиске и поимке преступника, наше управление посодействовало, так мы и познакомились. Мы нашли подозреваемого и передали властям Америки. С Праттом до сих пор поддерживаем связь, он давно приглашал меня в Нью-Йорк. Ещё вопросы?

– А такое возможно? Чтобы гражданина России выслали из страны отбывать наказание в другой?

– Да, ну, если ты не миллионер и не сын какого-нибудь чиновника и ты не представляешь никакой ценности, то да.

– Тебе он нравится?

– Кто? Убийца? О, да! Он был безумно красив, но я умерила свои плотские желания и смирилась с его экстрадицией.

– Нет, – Антон смущённо поправил очки. – Пратт.

– Скажем, он меня не бесит, с ним можно поддерживать диалог и у нас общие интересы. Он так же заиклен на своей работе, как и я. Да и другого выбора нет. Если ты не заметил, я нелегко схожусь с людьми.

– Ты воспринимаешь свой отпуск как наказание?

– Это и есть наказание. Весь смысл моей жизни в работе, и когда меня лишают её, для меня это наказание.

– Тебя это сильно расстраивает?

– Да нет же, нет... Ох... Как ты не поймёшь. Дело не в наказании, не в ссылке, не в том, что у меня забрали дело. Дело в том... – Ева поставила стакан перед гостем и подошла к окну, пытаясь что-то разглядеть в сгущающихся сумерках, пытаясь увидеть хоть какой-то свет в непроглядной тьме. – Дело в этой девочке, даже не в ней, дело в её убийстве. Понимаешь, это не обычное изнасилование и последующее убийство с целью сокрытия личности насильника, нет, тут всё сложнее... – она повернулась лицом к слушающему. – Он ударил её по голове тупым предметом, она упала, но он не стал добивать. Он меняет орудие, наносит тринадцать ножевых ранений, но опять не убивает, вместо этого он вспарывает ей живот неким режущим предметом, причём характер оружия, которым были нанесены колото-резаные раны, согласно экспертизе, не соответствует характеру оружия, которым был разрезан живот. То есть убийца три раза меняет орудие преступления, но ни одного из них на месте обнаружения тела не найдено, отпечатков тоже нет, крови нет! И в завершение всего нападающий посмертно насилует свою жертву. Каким нужно быть психом, чтобы изнасиловать изуродованное мёртвое

тело? Что это? Это наказание жертвы или удовлетворение потребностей убийцы? Преступник не просто покидает место преступления, он производит ряд манипуляций с трупом, а именно аккуратно складывает её одежду и нижнее бельё и кладёт ей под голову. Это угрызение совести? И, как следствие, попытка разместить тело как можно удобнее? Или это абсолютная уверенность в своей неуловимости, что-то типа: «смотрите, я могу потратить на это время, но вы всё равно меня не найдёте». В любом случае мы имеем дело с психом. Я буду очень рада, если у прокуратуры действительно есть подозреваемый, но что если они идут по ложному следу, что если у нас будет серия? А я буду в отпуске, я буду терять время! Вот что меня беспокоит, что меня расстраивает: у нас может объявиться новый серийный убийца, а я буду связана по рукам и ногам и ничего не смогу с этим сделать, не смогу остановить его, пока он не причинил боль кому-нибудь ещё, – девушка снова отвернулась от собеседника к окну. – Это всё. Ну что? Какие выводы? Ты обнаружил в моём поведении маниакальную склонность к самоубийству или беспричинную неуправляемую агрессию к окружающим? Я не опасна для общества? – Ева ухмыльнулась.

– Нет, – Антон снял очки. – Я обнаружил другую маниакальную склонность в тебе. Ты до сих пор считаешь, что все вокруг тебя недостаточно хороши и относятся к своей службе сквозь рукава. Что ты одна стоишь на защите общества. Извини, но это не так. Я думаю, у таких органов, как прокуратура, гораздо больше информации и данных, нежели у тебя. Они знают, кто и для чего совершил это преступление. Так что отойди и успокойся. А для общества ты не опасна, – психолог улыбнулся. – Спасибо за кофе и за гостеприимство. Я запишу тебя на следующий приём. Советую прийти ко мне в офис, или я ещё раз приду сюда. Если захочешь поговорить о той ночи, то можешь обращаться в любой день без записи.

– Я провожу тебя.

Когда дверь захлопнулась, Тайнова взяла свой сотовый телефон и набрала хорошо известный ей номер:

– Виктор Вениаминович, добрый вечер, это Тайнова. Я по поводу отпуска. Вы сможете организовать мне поездку в Нью-Йорк? Хорошо.

Девушка выключила свет во всей квартире и включила ноутбук. Нужно было закончить работу.

Глава 2. Совпадение

Ева стояла на парковке у своего дома. Она не видела машин, не видела домов, она не помнила, как здесь оказалась. Кругом был туман. Ещё никогда в жизни она не видела такого тумана. Он скрывал всё живое и неживое. Он окружал её, проникал в лёгкие, затрудняя дыхание. Он был настолько плотный, что, казалось, она могла его потрогать. Девушка оглядывалась по сторонам, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь плотный саван. И тишина, было слишком тихо: ни гула машин, ни доносящихся разговоров, проходящих мимо людей. Будто этот туман поглощал все звуки.

Ева крикнула:

– Здесь кто-нибудь есть? Меня кто-нибудь слышит?

В ответ глухая давящая тишина. Девушка чувствовала, как липкие щупальца страха постепенно овладевают телом. Где она? Как она здесь оказалась? Что происходит?

Тайнова сделала пару шагов вперёд, но ничего не поменялось. Она была одна в тумане и ничего не видела.

– Меня кто-нибудь слышит?

Опять тишина, но на этот раз она заметила движение, какая-то тень пробежала мимо.

– Стойте. Подождите, я могу вам помочь!

Но еле различимый силуэт человека всё дальше и дальше убегал от неё.

– Подождите, прошу вас! Не бойтесь! Я не понимаю, что происходит? Мне кажется, я заблудилась! Скажите, где я?

Тень исчезла, дымкой растворившись в воздухе. Тайнова замерла. Она почувствовала движение у себя за спиной. Чья-то рука легонько дотронулась до плеча.

Ева застыла.

– Здесь, – шёпотом произнёс невидимый человек за спиной. – Я здесь с тобой. Иди вперёд.

Ева послушно пошла сквозь непроглядное молоко тумана. Она всё шла и шла, пока не начала различать призрачный силуэт. Подойдя ближе, Тайнова увидела девушку в когда-то белом, но сейчас испачканном грязью платье. Та стояла к ней спиной, и её тело сотрясала мелкая дрожь. Девушка плакала. Ева медленно положила руку на плечо незнакомки. Она не хотела смотреть ей в лицо, глубоко в подсознании понимая, что увидит нечто страшное, непостижимое, но невидимая сила заставляла развернуть к себе девушку. Ева узнала незнакомку – это была она. Она стояла вся выпачканная грязью с кровоточащими ранами. Она смотрела на неё. Она смотрела на неё с ухмылкой на изуродованном лице.

Тайнова не могла произнести ни слова, она медленно попятилась назад, начиная осознавать иллюзорность всего происходящего. Но покойница не исчезала, не растворялась в воздухе. Через секунду убитая схватила своими окровавленными руками лицо Евы и произнесла: «Будут ещё. Останови!»

Следователь очнулась в кровати своего номера в отеле Нью-Йорка. Таких кошмаров она ещё не видела. Всё было слишком реально.

Ева встала и подошла к окну. На улице царил хорошая погода, тумана не было, светило солнце. Сегодня первый день её вынужденного отпуска, и она находилась в тысячах километрах от дома.

«Будут ещё. Останови! – эхом пронеслись слова в голове. – Останови... – еле слышно прошептала Ева фразу из сна. – Это всего лишь кошмар, нужно забыть это дело. Я в Нью-Йорке. Я далеко. Нужно придумать, чем себя занять. Чем обычно занимаются в этом городе нормальные туристы?»

Ответа на этот вопрос у неё не нашлось. Тайновой оставалось ждать восьми часов вечера. Именно на это время у Евы была назначена встреча с давним знакомым Робертом Праттом в баре под названием Abby. Бар находился в Бруклине в районе Вильемсбург, и, по заверениям знакомого, это был достаточно безопасный район, хотя лично она сильно сомневалась в безопасности любого района в Нью-Йорке.

* * *

Тайнова вышла на станции метро Bedford Av., свернула налево и пошла вдоль по улице, пока не наткнулась на бордовую вывеску с белыми буквами Abby. Будучи не большой любительницей шумных заведений, Ева остановилась около входа в надежде дождаться своего знакомого на улице. Она решила позвонить, но не успела достать телефон из куртки, когда услышала знакомый голос за спиной:

– Ева! Так это ты. Я шёл за тобой от самой станции метро, не решаясь окликнуть тебя. Не был до конца уверен, что это ты, – к ней приближался невысокого роста, коренастый, с идеально подстриженными рыжими волосами и лёгкой щетиной мужчина средних лет в коричневом костюме. Его лицо озаряла искренняя улыбка. – С последней нашей встречи ты изменилась. Подстриглась?

– Привет, Роберт! – Тайнова почтительно улыбнулась. – Сразу хочу извиниться за свой английский, практики маловато.

Двое знакомых поцеловались и обнялись.

– Это ничего! После двух стаканов водки будем понимать друг друга с полуслова, – Пратт держал Еву за плечи, слегка потряхивая. Он заметно радовался их встрече. – Ну и что мы стоим на входе, мешаем людям курить? Думаю, следует заглянуть внутрь.

Бар производил приятное впечатление: маленький и тёмный, он создавал атмосферу уединённости. В заведении было многолюдно, гости в основном сидели за барной стойкой, которая занимала большую часть помещения. Несколько столов располагались в углу главного зала, ещё несколько – в следующей комнате, которая по совместительству служила бильярдной. Знакомые решили занять свободный столик в углу. На стенах всего помещения Ева заметила огромное количество фотографий, сделанных посетителями бара. Несмотря на давящую обстановку, в баре царил весьма доброжелательный климат: за барной стойкой, общаясь с барменом, смеялись и спорили выпивающие компании, из соседней комнаты доносились весёлые голоса играющих. Тайнова расслабилась. Через пару минут к ней присоединился Роберт с двумя стаканами водки со льдом.

– Я угощаю сегодня, и не спорь, – Ева кивнула. – Ты подстриглась, знаешь, а тебе идёт. Так твои кудряшки кажутся ещё более кудрявыми, а цвет волос стал светлее. Этот цвет называется, кажется, русый? – Пратт повесил пиджак на спинку стула, расслабил галстук и уже принялся заворачивать рукава рубашки, когда Ева его прервала:

– Ты действительно хочешь обсудить мою причёску или просто нервничаешь и не знаешь, что говорить?

Роберт замялся.

– И то, и то, – смущённо произнёс мужчина.

– Хорошо. Я подстриглась два года назад, так как не люблю ухаживать за волосами. Да, кудряшки стали ещё кудрявее, да, цвет волос светло-русый. Ты не изменился. И ещё... Мы пьём водку, потому что ты любишь водку или потому что я русская и, следуя предрассудкам, мы обязаны пить водку?

Пратт сидел напротив девушки и растерянно хлопал глазами.

– Я думал, ты любишь водку. Не знаю, с чего я это решил.

Ева улыбнулась, увидев смущение своего знакомого.

– Я ничего не люблю, так как на меня не действует алкоголь, но если выбирать, то вино, потом виски, потом коньяк, но я с удовольствием попробую американскую водку, – Ева подняла стакан, призывая своего собеседника выпить, и сделала первый глоток. – Так что нового? Есть интересные дела?

– Я не видел тебя пять лет, а ты хочешь поговорить о работе?

– Ты прав, – Тайнова вздохнула. – Просто я больше не умею ни о чём разговаривать.

– Давай я тебя научу, – Роберт подмигнул. – Ну, во-первых, как такое возможно, что тебя отпустили в Америку в отпуск?

– Ты прав, почти невозможно. Почти... Нужны хорошие знакомые. Но это не исключает того факта, что, пока я была в аэропорту, мне незаметно засунули жучок в интересное место для прослушки.

– То же самое могу сказать и про себя. Думаю, уже всё ЦРУ на ушах стоит, зная, с кем я пошёл на встречу, – они оба рассмеялись. – А ты умеешь улыбаться!

– Да, меня учили в детстве. Может, обновим? – Ева взглядом указала на пустые бокалы. Алкоголь постепенно расслаблял тело и затуманивал разум, уводя от скверных размышлений. Она задумчиво всматривалась в шумную толпу веселящихся людей: они смеялись, обсуждали злободневные темы, обнимались, флиртовали – они жили. Эти люди умели жить.

Пратт вернулся уже с двумя бокалами вина.

– Что ты там говорила? Сначала вино, потом виски, потом коньяк? Я правильно всё понял?

– Правильно, – Тайнова приняла бокал вина из рук Роба.

– Ты не похожа на счастливого туриста в Нью-Йорке. Что не так?

– Я не знаю, что делают счастливые туристы в Нью-Йорке. Что вообще делают туристы?

– Как ты можешь так говорить?! – казалось, Пратт действительно возмутился. – Ты в столице мира! Сам город – одна сплошная достопримечательность. Что ты сегодня успела посмотреть?

– CNN по телевизору в номере. А что нужно было?

– Статуя свободы, Бруклинский мост, Эмпайр-стейт-билдинг, Таймс-сквер, Рокфеллер-центр, центральный парк, памятник трагедии одиннадцатого сентября, Башня Свободы и...

Ева перебила собеседника:

– Я это видела по телевизору и на картинках, не думаю, что если увижу всё это вживую, то что-то изменится. Есть ещё предложения?

– Я всегда знал, что ты странная, но чтобы настолько! Сходи завтра в Хай-Лайн-парк. Тебе понравится, там как раз есть уединённые места, куда ты можешь зайти, присесть на лавочку и насладиться своей депрессией. Тебе понравится.

Тайнова понимала, что разговор заходил в тупик, и решила поменять русло диалога:

– А у тебя что нового? Ты всё ещё встречаешься с той девушкой?

– С Мэгги? Да. Мы помолвились. Собираемся пожениться через четыре месяца, – при этих словах Ева поперхнулась. – С тобой всё в порядке? – Роберт встал со стула, желая помочь девушке.

– Да-да, – откашливаясь, произнесла Ева. – Так ты всё-таки решился? А она... Она в курсе, чем ты занимаешься? И всё равно хочет связать с тобой жизнь? Завести детей?

– Ты так говоришь, будто я преступник.

– Хуже... Ты детектив. То есть она готова к тому, что в один прекрасный день тебя могут убить на задержании, и она одна с ребёнком будет метаться, не зная, что ей дальше делать, так как все эти обещания твоих сослуживцев помочь «если что» на самом деле гроша ломаного не стоят. В итоге, если она не справится с депрессией после твоей смерти, будет искорёжена не только её жизнь, но и жизнь ни в чём не повинного дитя, и потом...

– Стоп. Стоп. Остановись, – Роберту пришлось повысить голос, чтобы остановить Тайнову и успокоить внезапный всплеск эмоций. – Ты сейчас говоришь обо мне или о себе? Рана из детства?

– Прости, – Ева закрыла ладонями глаза. – Прости, прости. Я... Я не знаю, что на меня нашло. Я не умею общаться с людьми и ещё раз с блеском доказала это. Я не хотела тебя обидеть, – она смущённо опустила глаза вниз, молча ругая себя. – Нет никакой раны из детства.

– А как ты видишь свою дальнейшую жизнь? – Пратт отодвинул от себя стакан и поближе наклонился к Тайновой. – Как свою жизнь видишь ты? Сейчас ты всё ещё достаточно молода в свои двадцать девять, но потом? Может быть, сейчас ты и нужна на работе, и тебя не смущает тот факт, что ты живёшь в маленькой комнатухе в отдалённом районе, без друзей, родных, любимых. Существует абсолютно одна, не давая ни малейшего шанса людям сблизиться с тобой. Но что будет потом? Потом, когда тебя сменят более юные и умные коллеги, а тебя отправят на пенсию. Что будет, когда у тебя отнимут твою любимую работу? Останешься никому не нужная и всеми забытая. Никто не вспомнит о тебе ни при жизни, ни после смерти. Никто не расскажет о тебе своим внукам. Никто не придёт на твою могилу. С этими мыслями ты будешь сидеть в своей комнатухе и напиваться до беспамьятства, а в итоге твой труп найдут соседи от того, что ты завоняешь. Похоронят тебя как бомжа за счёт государства, хотя ты можешь завещать своё тело науке и тебя будут изучать студенты, по отдельности доставая твою руку или ногу из формалиновой ванны. Извини за прямоту, но ты тоже меня только что заживо похоронила.

– Ты прав, мне нечего тебе возразить, – Ева сделала внушительный глоток вина.

Атмосфера между собеседниками наэлектризовалась до предела. Оба нервничали от нависшего неловкого молчания, оба не хотели его нарушать. Пратт, не проронив ни слова, вышел из-за стола и направился в сторону барной стойки. Ева еле слышно ругнулась.

«Люди имеют право на счастливую жизнь. Люди имеют право на жизнь. Ну почему я вечно лезу не в своё дело?»

– Я решил перескочить стадию под названием «виски» и сразу перейти к стадии «коньяк». Ты не самый простой человек, я ещё тогда это понял, но сегодня ты вся на нервах. Что происходит? Ты переживаешь из-за какого-то дела?

– Хм, – Ева невольно усмехнулась, – даже если бы и было дело, которое могло бы меня расстроить, я бы тебе о нём не рассказала. Разглашение информации, знаешь ли.

– Не-ет, – Пратт наигранно протянул, – это естественно, но что если немного пофантазировать? Чисто гипотетически могло бы существовать такое дело, которое расстроило бы тебя по необъяснимым причинам? Придумай сказку. Гипотетическую сказку.

– Чисто гипотетически? Дай подумать, – Тайнова поднесла руку к лицу и тихонько постукала указательным пальцем по губам. – Ну, допустим, чисто гипотетически героиню моей сказки могло расстроить одно дело. Предположим, существует некий герой, антагонист, и он совершает преступление. Возникает вопрос: какое преступление? – Ева замолчала, вопросительно смотря на Роберта.

– Допустим, убийство, – продолжил Пратт.

– Хорошо, значит, убийство. В нашей сказке убита девушка, очень юная девушка, предположительно из неблагоприятных слоёв общества.

– Хорошо, – Пратт увлёкся разговором, от сосредоточенности у него вздулась вена на лбу. – Продолжай. И как могла быть убита эта девушка?

– Оглушена ударом по голове, смерть наступила вследствие обильной потери крови от тринадцати ножевых ранений. Брюшная полость вспорота. Ранения нанесены разными орудиями. И дабы добавить пикантности нашей истории, допустим, была ещё и изнасилована после смерти.

Роберт перебил Еву:

– И чтобы в этой истории появилась нотка мистики, допустим, что ни одно орудие преступления найдено не было.

Эти слова насторожили Еву. Она удивлённо уставилась на знакомого, ожидая продолжения истории уже из его уст.

– Да уж! Уф, – Роберт стряхнул капельки пота с лица. – Ну и фантазия у тебя. Если бы мне пришлось читать такую сказку, я бы тоже расстроился гипотетически. Хорошо, что мне не пришлось, а вот специальному агенту Сэму Блэйку в далеком 1987 году пришлось, – напряжение Евы усиливалось, а Пратт всё продолжал: – Ты либо экстрасенс, либо у тебя незаурядная фантазия, либо ты прочла про это раскрытое дело где-нибудь на просторах интернета. Нет. Ты по Discovery посмотрела. Я прав? Они любят снимать истории про раскрытые дела. Почему тебя расстроило дело почти тридцатилетней давности?

– Да? Не знаю, – Ева была в замешательстве. – Только я не помню, где мне попадалось это дело, но хотела бы освежить память в целях саморазвития. Так где я могу его найти?

– Этого я не знаю, если хочешь, могу запросить документы по этому делу. Лично я с ним сталкивался на курсах повышения квалификации, лекцию нам тогда читал сам агент Блэйк. Я думаю, его можно найти в архивах.

– Напомни мне, что там было дальше, это было единичное убийство или серия?

– Серийный убийца. Но он не успел особо разойтись, было ещё две жертвы, а потом его поймали. Наши умельцы из Квантико постарались. Закончил этот антагонист на электрическом стуле. Дай мне два дня, я найду материалы по этому делу, они уже не засекречены.

– Это было бы здорово.

Их разговор прервал телефонный звонок. Звонил телефон Пратта, он извинился и вышел из-за стола.

Ева осталась наедине со своими мыслями. Услышанная информация словно снежная лавина обрушилась на голову. Девушка осознавала, что строить предположения ещё рано, но и без того мучащее чувство тревоги сейчас ещё более мощной волной накрыло всё её сознание.

«Это может быть всего лишь совпадение. Я не могу сейчас делать никаких выводов, не посмотрев материалы по делу. В любом случае выводов может быть только два: если картины преступления идентичны, то у нас подражатель, если есть хоть мельчайшие расхождения, то совпадение».

Еве захотелось покинуть это тёмное помещение со всеми этими шумными людьми и сейчас же оказаться в тишине своего номера. Недолго думая, девушка схватила свою куртку и пиджак знакомого и выбежала на улицу. К тому моменту Пратт уже закончил разговор по телефону и, покуривая сигарету, разговаривал с незнакомцем низкого роста. Ева решительно прервала их беседу:

– Роберт, вот твой пиджак. Я немного устала и хочу вернуться в отель. Спасибо большое за вечер и за выпивку, в следующий раз угощать буду я, – Тайнова сунула пиджак ему в руки и спешно пошла в сторону метро. Полностью погружённая в свои мысли, она не заметила приближающихся шагов за спиной.

– Можно я хоть провожу тебя до метро? Ты так молниеносно прервала вечер, что я даже не успел передать тебе слова Мэгги. Она пригласила тебя к нам в гости на ужин. Я так много рассказывал о тебе, что она лично захотела с тобой познакомиться.

– Спасибо за приглашение, но ужины со мной обычно превращаются в кошмар. Я не лучший собеседник для счастливых дружеских посиделок.

– Если ты всё время так будешь говорить, то так и будет. Иногда следует просто попробовать. В любом случае иначе ты не получишь материалов по делу. Выбирай.

Ева резко остановилась. Она подошла вплотную к мужчине и посмотрела прямо ему в глаза.

– Ты похож на тех людей, которые меня бесят, но всё равно не бесишь. Как тебе это удаётся?

– Просто мы похожи, только я старше и лучше, – Роберт улыбнулся. – Вот и станция метро. Я заеду за тобой послезавтра. Мы живем в Бруклине, чтобы тебе было удобнее, я заеду за тобой в отель в восемь часов вечера. Будь готова.

Знакомые по-дружески поцеловали друг друга в щёку на прощание и разошлись. Ева возвращалась в свой одинокий номер в отеле.

* * *

Два дня. Два дня Тайнова пыталась ощутить энергетику этого города. Она усиленно старалась понять, что заставляет миллионы людей любить этот город, что заставляет их оставаться в этом городе, что заставляет их возвращаться сюда. Но всё безуспешно. Ева не чувствовала сути этого города. Он представлялся ей мешаниной из стекла, бетона и металла. Безликий, холодный, грубый. С вечно сияющими огнями Таймс-сквер, с непрекращающимися звуками сирен скорой помощи и полиции, с кучками спящих туда-сюда туристов и местных жителей и даже с вездливый запахом жареной вонючей еды быстрого приготовления, со всем этим город казался ей пустым. Она каждый вечер просматривала хроники криминальных событий за день, порой их количество достигало сотни: кого-то убивали, грабили, насиловали. Тела находили то в подземных переходах, то в мусорных баках. Преступников ловили и не ловили. А на утро другого дня ведущий утренней передачи как ни в чём не бывало, улыбаясь своей белоснежной улыбкой, рассказывал о погоде. Город контрастов? Колыбель жизни? Может быть, но не для неё. Ева даже послушалась совета Пратта и побывала в Хай-Лайн-парке. Она нашла уединённую лавочку, скрытую от многочисленных глаз туристов, села на неё, вдохнула полной грудью воздух огромного мегаполиса и... Ничего. Просто парк, просто лавочка, просто город. Возможно, в глубине души она понимала, что виноват в этом вовсе не город – это ей нигде не было места.

Сегодня Тайновой предстояло знакомство с ещё одним обитателем Нью-Йорка. Она не знала, чего ожидать, и решила подстраховаться хотя бы в одном – поела сэндвичей перед выходом.

Роберт задерживался, но Ева не переживала. Она понимала, что эта работа не подвластна их планам. Детектив приехал в 8:30 вечера, он выглядел уставшим и обеспокоенным, почти весь путь до дома они промолчали. Ева не решалась заговорить первой, так как сама не любила, когда её отвлекали от размышлений. По пробкам они добрались с Манхэттена до Бруклина за час. Когда машина была уже припаркована, Роберт заговорил:

– Извини. Тяжёлый день выдался. Отчёты, отчёты и ещё раз отчёты. А ты как?

– Обычно, немного не по себе.

– Мэгги удивительная, она обладает даром снимать усталость.

Они подошли к двери двухэтажного кирпичного дома. Роберт нажал кнопку дверного звонка.

– Почему вы так долго, ужин почти остыл. Проходите скорее, – дверь открыла миловидная хрупкая девушка с пронзительно карими глазами и белоснежной улыбкой. – Ева, я так рада с тобой познакомиться, – девушка обняла Тайнову и поцеловала в щёку как лучшего друга, которого так давно не видела. – Ты, Ева, ещё красивее, чем я думала. Ну вот, теперь буду ревновать Роба, – не унималась хозяйка. – Сразу видно, что ты постоянная клиентка спортзала, и куртка на тебе классная, я тоже хотела купить в этом сезоне такую же, но соблазнилась на пальто.

– Ева, это Мэгги, – Пратт вмешался в монолог своей невесты.

– Очень рада знакомству, Мэгги. Очень красивое платье, оно такое, – Ева замялась, она не была сильна в комплиментах, – такое розовое.

– Розовое, вот именно, подарок Роба на день рождения. Я специально его сегодня надела, хотела показать, что у Роба совершенно нет вкуса.

– Я знаю, – вырвалось у Евы. – Он же считает меня своим другом.

– Ха-ха-ха, – Мэгги рассмеялась. – У тебя есть чувство юмора, ты мне всё больше и больше нравишься. А Роб меня предупреждал, что ты странная, и хмурая, и унылая. Я так и знала, что он всё как всегда выдумал.

Ева бросила мимолётный взгляд на Пратта и еле слышно прошептала:

– Какой ты предусмотрительный.

Роберт промолчал.

– Что вы стоите, садитесь за стол. Сегодня я особенно постаралась. У нас на ужин свиные рулетки с изумительной начинкой, салат «Цезарь», красное сухое вино и тирамису на десерт, – хозяйка явно гордилась собой.

Ева решила сделать ещё один комплимент:

– Мэгги, ты, видимо, вкусно готовишь.

– Я? – девушка изумлённо посмотрела на гостью. – Что ты, я совершенно не умею готовить. Ни одна уважающая себя девушка Нью-Йорка не умеет готовить. А зачем? Вот в ресторане, что в двух кварталах от нашего дома, готовят очень хорошо, я там это всё и заказала.

– Тогда... в чём же ты «постаралась»?

– Я очень внимательно изучила меню и целый час выбирала блюда. Обычно я просто тыкаю пальцем или прошу привезти блюдо дня.

«Язык мой – враг мой», – пронеслась фраза в голове у Тайновой.

Гостья села за стол, а хозяйка вечера суетливо бегала вокруг, раскладывая еду навывнос по тарелкам и продолжая тараторить про то, как они познакомились с Робертом, про то, какой он удивительный, про то, какая удивительная она и вообще как всё удивительно и какой замечательной оказалась Ева.

Через двадцать минут стол был накрыт, и Мэгги, немного успокоившись, присоединилась к гостям.

– Расскажи о себе, Ева. Вот мне Роб рассказывал, что ты самый лучший детектив России. От этих слов «самый лучший детектив России» поперхнулась едой.

– Это слишком громкое заявление. Скажем, я неплохо справляюсь со своей работой в своём городе.

– О, этот город, я так хочу побывать в этом городе, меня так интригует Россия, я даже передачу смотрела про Сибирь.

– Это... очень мило, – Тайнова скривила уголки губ, изображая улыбку.

– А сколько преступников ты поймала?

– Достаточно.

– А поконкретнее?

– Мэгги, – в разговор вмешался Пратт, – Ева в отпуске, и мы не будем разговаривать за столом о работе.

– Ты прав. Как рулетки?

– Вкусные, – они и правда были вкусные, хотя Ева никогда не считала себя гурманом.

– А у тебя есть парень или жених?

– Нет.

– Нет? Как такое вообще может быть у обладательницы столь красивого строгого лица и обворожительных зелёных глаз? Или это линзы?

– Нет. Это глаза.

– Я вот всегда мечтала, чтобы у меня были зелёные глаза, даже линзы носила, но потом приняла решение, что к моим чёрным длинным волосам больше подходит именно карий цвет глаз.

– Угу. Так правда лучше. А чем ты занимаешься, Мэгги?

– Я начинающий художник и сценарист. Прохожу курсы сценаристов. А рисую ещё со школы.

– А как ты относишься к работе Роберта?

– О, я им очень горжусь! Он стоит на защите американцев, на защите нашего общества, это лучшее, чего можно желать. Он настоящий супермен!

– Здорово. Ты очень милая, Мэгги. Роберт, а ты принёс мне документы, о которых мы разговаривали два дня назад?

– Да, – Роберт оторвался от тарелки с мясом и салатом, – с этим не было проблем. Я решил не усложнять себе работу и не рыться в архивах, просто позвонил мистеру Блэйку, он выслал мне свой очерк с этим делом по почте. В принципе, там всё, что может тебе пригодиться.

– Ты не спрашивал у него, не освещалось ли это дело в прессе?

– Спросил. Он говорит, что об этом печатали некоторые местные газеты, но широкого охвата не было. Дело достаточно быстро раскрыли.

– Понятно. Спасибо.

– Что за дело? – Мэгги заинтересованно смотрела то на Роберта, то на Еву.

– Старое дело, дорогая. Ева решила изучить систему и техники работы нашей полиции и ФБР.

– Да, – подтвердила Тайнова, – расширяю кругозор.

– Как это замечательно. Два детектива двух великих стран помогают друг другу. Вот так должен строиться мир! Я никогда не понимала разногласий в политике наших стран! Вы такие, такие замечательные!

Ева смотрела на Мэгги, и непроизвольно в голове возникали мысли: «Не удивлюсь, если ты ещё какаешь конфетками, общаешься с единорогами, а по вечерам твои волосы расчёсывают маленькие феи».

* * *

Тайнова вернулась в свой номер около одиннадцати вечера. За ужином ничего особенного не произошло: Роберт и Мэгги болтали, а Ева делала вид, что слушает их, хотя её мысли находились далеко от разговоров двух влюблённых людей.

«Самый лучший детектив России» бросила на кровать папку с документами и пошла в душ. Сегодня ночью она не собиралась спать.

* * *

Это оказалось сложнее, чем ожидала Ева: одно дело – разговаривать на английском языке, другое – читать профессиональную документацию. Ей то и дело приходилось открывать словарь, чтобы перевести тот или иной термин. Она допивала шестую кружку кофе, когда за окном номера стало светать. К этому моменту ей удалось прочитать две трети очерка по делу «Хирурга». Несмотря на то что оставалось перевести ещё пару страниц, она уже могла сделать несколько выводов. С одной стороны, характер убийства и посмертных манипуляций с жертвами совпадал с характером убийства девушки в России, с другой стороны, были достаточно весомые расхождения. Первое: места обнаружения жертв – это пустыри или дикий пляж, редко посещаемый людьми, в то время как тело русской девушки обнаружили в достаточно

людном месте. Второе: некоторые внутренние органы жертв были удалены. В одном случае на печени, которая аккуратно лежала около тела, обнаружили следы зубов, в другом одна из почек жертвы так и не была найдена. По данным экспертизы, у русской девушки все внутренние органы оставались на месте. В остальном почерк преступления полностью совпадал: удар тупым предметом по голове, тринадцать ножевых ранений, вскрытие брюшной полости от грудины до паха. Также в обоих случаях были совершены посмертные манипуляции с телом сексуального характера. Правда, настораживала ещё одна деталь: только в одном эпизоде одежда жертвы была сложена под головой девушки, в остальных она просто лежала рядом с телом.

Делать однозначные выводы о том, что в России объявился подражатель, слишком опрометчиво, но и не заметить явные сходства этих двух дел было нельзя. Несколько раз Тайнова вставала с кровати и принималась ходить по комнате из угла в угол. Каждый час она смотрела на свой телефон, ожидая звонка из России с сообщением о новой жертве, но этого не происходило. Наконец, окончательно устав, Ева решила лечь спать, но множество мыслей, которые штурмом атаковали измученное сознание, никак не давали уснуть. Она то отрицала возможность связи двух этих дел, аргументируя это тем, что дело малоизвестное даже в Америке, не говоря уже о России, то признавала, что люди, склонные к насилию, могут многие годы жить в иллюзорной реальности, всё глубже погружаясь в свои извращённые фантазии, пока не наткнутся на что-то, что побудит их к действию, на что-то, что воодушевит их встать на тропу насилия в реальности.

Так могло быть и здесь: человек с маниакальными садистскими наклонностями, долго изучающий преступную деятельность многих серийных маньяков Америки или России, сидя на многочисленных сайтах по расследованию преступлений, читая многочисленные очерки журналистов, мог наткнуться на маленькую статью о «Хирурге» в штате Виргиния на острове под названием Чинкотиг, воодушевиться и начать действовать. В любом случае это наводило на мысли о том, что, кем бы ни был убийца, он хорошо владеет английским языком, образован, организован и очень опасен.

Борясь со всеми мрачными мыслями, Ева постепенно погружалась в тревожный сон.

Она проспала весь день, постоянно просыпаясь и снова засыпая. В семь часов вечера Тайнова всё же решила встать с кровати и немного прогуляться. Девушка спустилась в ресторан отеля, выпила чашку кофе, потом ещё одну и ещё одну и, отбросив первоначальные планы о прогулке, поднялась обратно в номер. Не раздеваясь, Ева бессильно упала на кровать, ощущая недомогание и боль во всём теле, она стала снова забываться беспокойным сном.

Тишину полумрака номера взбудоражил настойчивый телефонный звонок. Ева машинально нащупала телефон у себя в кармане и, не глядя на экран, нажала на кнопку вызова.

– Тайнова Ева Александровна? – Ева узнала голос своей помощницы.

– Да. Я слушаю.

– Вас срочно отзывают из отпуска. Ближайшим рейсом возвращайтесь в Россию. Это приказ.

– Хорошо, – Ева отключила вызов. В очередной раз все самые худшие ожидания сбывались. В очередной раз она победила, не желая побеждать.

Глава 3. Всё ещё хуже

Шёл дождь. Тёмные грузные облака медленно плыли по небу. Бурлящие потоки воды стекали вниз по улице. Ева стояла на незнакомой ей площади по щиколотку в воде. Она всматривалась в пустые окна домов, оглядывалась по сторонам, пытаясь разглядеть хоть что-то знакомое, пытаясь найти хоть одного человека, но всё было тщетно. И снова эта тишина. Пугающая давящая тишина. Ева не слышала звуков дождя или журчания воды – просто пустота. Зато она хорошо чувствовала холод, пронизывающий обжигающий холод, который стремился овладеть всем телом. Она сделала шаг и крикнула от боли. Посмотрев вниз, Ева осознала, что не обута. Нагие ступни касались шершавого асфальта с острыми, как зубы акулы, камнями под толщей тёмных вод. Ева пошла вперёд. Каждый шаг, который она пыталась сделать, отдавался неистовой болью во всём теле, пронзая босые ноги иголками ледяной воды. Но она не сдавалась, она всё шла и шла вперёд, преодолевая усиливающийся бурный поток, который теперь достигал колен. Паника постепенно поглощала разум. Она хотела закричать, но что-то сдавливало горло, ей захотелось расплакаться, но что-то сдерживало слёзы. Единственное, на что у неё оставались силы, – это мысленно раз за разом задавать немой вопрос: «Где я?! Что происходит?»

– Ничего. Не бойся. Я здесь с тобой, – незнакомый мужской голос оглушающим шёпотом ответил из мрака.

Тайнова обернулась и увидела сквозь пелену дождя знакомую фигуру в белом, испачканном грязью платье. Ту самую девушку. Она снова тянула к ней свои руки, с которых капали бурные капли. Капли крови, перемешанные с дождём. Фигура приближалась, а Ева не могла пошевелиться. В оцепенении она смотрела на силуэт, слушая обрывистые мольбы о помощи:

– Останови!

Голос становился всё сильнее и сильнее, пока не перешёл на истошный крик, разрывающий сознание изнутри:

– Останови! Останови! Будут ещё!

– Просыпайтесь... Просыпайтесь... Девушка!

Ева вздрогнула. Она сидела в кресле самолёта, по шею укрытая одеялом. Кондиционер, словно фантастическое чудовище, неистово извергал из своей пасти ледяной воздух. Тайнова то ли от обморожения, то ли от затекания не чувствовала половину своего тела. Через секунду она заметила около себя девушку в униформе бортпроводницы, которая застенчиво теребила её плечо.

– Девушка, вы проснулись? Мы уже прилетели, а я никак не могла вас разбудить, – смущённо говорила бортпроводница.

Ева поёжилась.

– Если у вас и дальше так будут работать кондиционеры, то скоро вы точно кого-нибудь уже никогда не сможете разбудить!

– Приносим свои извинения, мы только сейчас заметили, что он сломан. Надеемся, что с вами всё будет хорошо. Ещё раз приношу извинения. Мы прилетели, и все пассажиры уже покинули салон, вы не могли бы тоже...

– Если вы сумеете разморозить мне ноги, я бы тоже смогла покинуть ваш грёбанный салон, – сквозь зубы процедила Ева, распухшие ноги которой отказывались залезать в кроссовки.

– Не беспокойтесь и не торопитесь, у пассажиров очень часто при перелёте опухают ноги. Я буду ждать вас у выхода из салона самолета. Спасибо.

* * *

Выходя из здания аэропорта, Ева чувствовала, как у неё поднимается температура, физически ощущая начинающуюся ангину. Тайнова ругала всех работников авиаперевозок всеми самыми ужасными матерными словами, какие только знала. Телефонный звонок прервал размышления на том моменте, когда она в изошрённой форме мысленно пыталась наладчика кондиционеров.

– Капитан Тайнова слушает.

– Ты уже прилетела? – монотонный голос Астова раздался в трубке.

– Да. Могу прибыть на работу часа через четыре.

– Нет. Сегодня не стоит выходить. Нам нужно поговорить наедине. Я пока точно не знаю, с чем мы имеем дело, хочу показать тебе кое-что. Жди меня у себя дома в девять часов вечера. Это я отозвал тебя из отпуска. Что-то мне подсказывает, что не зря.

– Астов, лучше встретимся в другом месте, в любом, только не у меня в квартире.

– Я всё сказал.

В трубке послышались короткие гудки.

«Только не это, – пульсирующие потоки злобы с новой силой разливались по венам. – У меня что, в квартире мёдом для всех намазано? Что-то зачастили ко мне незваные гости. Знаешь, что, Астов Виктор Вениаминович, сегодня ты будешь пить кофе из чашки для супа. Хотя нет, не кофе, а воду из-под крана».

* * *

В квартире Тайновой ничего не изменилось. Она выглядела так же, как перед отъездом, так же, как она выглядела всегда. Ева прошла в спальню, наспех засунула сумку с вещами под кровать в надежде разобраться с ней позже, а сама пошла в ванную комнату. Её всё ещё знобило, она никак не могла согреться. Сейчас утешала только одна мысль о горячей воде в ванной.

До визита Астова оставалось полтора часа, когда Тайнова решила выйти и прогуляться до аптеки. К её удивлению, дома не оказалось никаких лекарств от простуды, а она явно ощущала, что заболевает. В районе, где жила Ева, поблизости аптек не было. До ближайшей полчаса пешком или столько же на автомобиле из-за пробок, но девушка всё же решила доехать, чтобы ещё больше не усугублять ситуацию и напрасно не переохладить свой организм.

Доехала она быстро, быстрее, чем ожидала. Все парковочные места около аптеки были заняты, и ей пришлось парковаться на другой стороне дороги.

Тайнова вышла из машины под начинающийся ливень и бегом побежала в сторону фармацевтического магазина. То, что она увидела в холле аптеки, повергло в шок. Казалось, заболел весь район. Очередь начиналась у касс и заканчивалась у входной двери. От лицемерия этой толпы Еву затрясло, а дьявол, который обычно сидел на левом плече, сейчас спрыгнул на пол и потянул её обратно к машине. Следователь почти развернулась, чтобы уйти, но боль в горле всё же отговорила от столь необдуманного поступка. Она глубоко вздохнула и решила ждать.

Очередь Евы подошла только через двадцать минут. За это время Тайнова успела несколько раз повторить у себя в голове все статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Она пыталась найти хоть одно смягчающее обстоятельство за убийство бабушки, которой не нравились белые буквы на коробке лекарства, так как до этого у неё была коробочка с жёлтыми буквами, и ей непременно нужно было найти коробочку этого лекарства только с жёлтыми буквами. На все увещевания фармацевта о том, что у бренда производителя сменился

дизайн, старушка никак не реагировала и всё требовала найти это лекарство с жёлтыми буквами на коробке. Когда старушка всё же смирилась с белыми буквами, Тайнова смогла купить себе антибиотики и жаропонижающие. Она бегом добежала до машины и со всей силы вжала педаль газа в пол.

Девушка очень спешила, понимая, что опаздывает на встречу с Астовым. Он пока не звонил, а значит, и сам задерживался, но всё же ей хотелось подготовиться к его приходу, а именно успеть закрыть дверь в спальную комнату.

Тайнова вышла из лифта на лестничный пролёт и подошла к двери своей квартиры. Она уже хотела вставить ключи в замочную скважину, как одна деталь заставила остановиться: дверь была открыта. Ева точно помнила, что, уходя, закрывала дверь на замок. От напряжения на лбу проступили маленькие капли пота, она нерешительно держалась за дверную ручку, не спеша открывать дверь. Мысленно Тайнова прорисовывала в голове свой коридор и все предметы, которые там располагались, в надежде найти то, чем она смогла бы обороняться. Девушка вспомнила, что у обувного шкафа стоял маленький металлический ломик, который иногда служил ей открывалкой для багажника машины. Продумав весь последующий сценарий событий и действий, Ева осторожно открыла дверь. Рывком подобрала ломик в коридоре и еле слышно начала пробираться в гостиную. Зрелище, которое открылось в комнате, сменило страх на гнев.

– Какого чёрта, Астов, ты тут делаешь? – Тайнова отшвырнула ломик в угол гостиной.

Астов развернулся в кресле и посмотрел на девушку.

– А у меня встречный вопрос. Какого чёрта творится у тебя на стене в спальне?

– Ты не имел права врваться в мою квартиру! Кто? Я спрашиваю! Кто дал тебе право на это?! – лицо Тайновой приобрело багрово-красный оттенок. В гневе она не заметила, что и Астов был вне себя. Ей редко приходилось видеть этого человека раздражённым, и сейчас он был изрядно зол.

– Твоей квартиры? Твоей?! Это я снял для тебя эту квартиру у своего знакомого. Я платил за неё, пока ты вставала на ноги. Это такая же твоя квартира, как и моя! И ключи у меня с того самого момента, как ты сюда въехала после интерната. Так что не вздумай мне указывать, куда я имею право заходить, а куда нет! Я ещё раз спрашиваю: что за херня висит на стене в спальне? Что это за алтарь параноидального бреда?

– Ты не имел права копаться в моих вещах, – Ева задыхалась от злости, гнева и стыда. Ей казалось, словно её раздели и нагую выставили напоказ толпе зевак. Она была беззащитна. Её тайну раскрыли, её обнажили. – Ты... Ты...

– В вещах? Да тут и копаться не надо! Заходишь в гостиную – и, пожалуйста, пиши психологический портрет маниакального психопата с манией преследования или верой в теорию заговора! Это что за фотографии, обведённые маркером, и красно-сине-зелёные нитки? Я не разбирался, но по фотографиям твоей мамы, меня и твоего отчима я понял, что ты так и не смирилась с событиями той ночи, – Астов постепенно успокаивался и понижал тон речи. – Я жду ответов, капитан Тайнова.

– Это доска расследования, – Ева тоже постаралась унять свой гнев. – Я не смирилась с событиями той ночи, просто потому что я ничего не помню, что тогда произошло! И ни Антон, ни вся антоновская рать не смогли пролить хоть толику света в моей памяти на события той ночи. Да, я хочу знать, кто убил моего отчима. Это, – Тайнова указала пальцем на стену спальни, – это нераскрытое преступление, которое произошло в моей жизни, а я гений, у которого по району девяностовосьмипроцентная раскрываемость, если верить словам твоего знакомого. Меня бесят нераскрытые дела. Ещё вопросы?

– Зачем? Я не понимаю! Зачем тебе это надо? Я бы понял, если бы ты хотела знать, кто убил твою маму или кто убил твоего отца, но отчима? Притом что именно этот ублюдок забил до смерти твою мать! Объясни мне, и я больше никогда не спрошу тебя об этом.

Девушка молчала. Она не знала, что ответить, она не знала, как это всё объяснить. Тайнова решила выбрать самый простой вариант:

– Это важно для меня. Я надеюсь, что так я смогу всё вспомнить.

Астов закурил вторую сигарету, не сводя глаз с девушки, стоящей посреди комнаты.

– Ева, неужели тебе не хватает всего того дерьма, что ты видишь на работе каждый день? Мне больно думать о том, что ты приходишь вечером в квартиру с одним столом и стулом, садишься на кровать и пялишься в стену, пытаешься разобраться в деле двадцатитрёхлетней давности. У тебя нет знакомых, нет друзей, нет мужчины. Всё, что у тебя есть, как я только что узнал, так эта стена с фотографиями, обрывками записей из дела и красными нитками.

– Это мой выбор, оставь всё это мне.

– Как бы ты ко мне ни относилась, в чём бы ни винила меня, я всё равно буду переживать за тебя. Судьба отняла у меня сына за то, что я не досмотрел за ним. Я не хочу потерять ещё и тебя.

Тайнова молчала, ей больше нечего было сказать. Слова Астова не разжалобили её, не смягчили, не поменяли отношения к нему. Еве просто хотелось сменить тему, хотелось забыть об этом разговоре.

– Я больше не буду спрашивать тебя об этом, делай, что хочешь. Только ответь на последний вопрос: как давно ты копаешься в этом?

– Как только начала работать в полиции.

Астов затушил сигарету, выпуская изо рта облако едкого табачного дыма.

– Ладно... Допустим. Я вообще пришёл за другим. Налей мне кофе.

– А если у меня его нет? – закрывая дверь в спальню, ехидно сказала Тайнова. – Могу предложить воды.

– Брось, – парировал Виктор Вениаминович, – ты кофейный наркоман, у тебя может не быть еды, но не кофе.

Когда Ева вернулась в гостиную с кружкой и суповой чашкой, на столе уже лежала картонная папка с надписью «Дело № ...», и из неё выглядывали уголки фотографий.

– Что это? – Ева махнула головой в сторону стола.

– Это снимки, сделанные криминалистами на месте обнаружения нового тела.

– Месте обнаружения тела? Ты считаешь, что оно не является местом преступления?

– Нет, не считаю, сейчас посмотришь и сама в этом убедишься. Предупреждаю сразу: характер преступления абсолютно другой, не похож на тот случай с неизвестной девушкой, но что-то тут не так. Посмотри, может, ты скажешь? – Астов протянул девушке фотографии.

Ева поставила посуду с кофе на стол и приняла из рук Виктора снимки.

Один взгляд. Мимолетный взгляд на первую фотографию – и всё тело пронзил разряд электрического тока. На мгновение она разучилась дышать. Ева уже знала. Она догадалась, что это за дело.

– «Чёрный георгин», – сорвалось с губ. – На земле нет крови, её убивали не здесь.

– Что? – переспросил генерал.

– Крови мало.

– Нет, что ты сказала сначала?

Тайнова глубоко вздохнула, села на стул и пронзительным взглядом посмотрела на Астова.

– У нас серия. Эта девушка, точнее, способ убийства девушки, – Ева сделала глоток кофе, – «Чёрный георгин» – нераскрытое убийство, произошедшее в Америке в 1947 году. Очень громкое дело, я много о нём читала, собственно, как и о других убийствах. В чём уникальность именно этого? В способе убийства: тело нашли на бесхозном земельном участке, его разрубили на две части в районе талии и расчленили. Убийца удалил наружные и внутренние

половые органы, а также соски. А рот, в чём, собственно, изюминка, был изуродован улыбкой Гуинплена, или, как ещё называют, улыбкой Челси. Ничего не напоминает?

Астов взял фотографии в свои руки и ещё раз их просмотрел.

– Один в один. Но почему ты считаешь, что это серийник?

Тайнова не торопилась отвечать, она неспешно попивала кофе, пытаясь правильно начать долгий разговор.

– А как там продвигается дело по моей девочке? – ответила вопросом на вопрос Ева. Но теперь не спешил отвечать Астов.

Он тоже сделал глоток горького напитка.

– Я поэтому и отозвал тебя из отпуска. Они вернули дело, сказали, не их профиль, не хватает ресурсов им заниматься.

– Понятно. Их ниточка привела их в тупик. Тогда слушай и сильно не нервничай, этот разговор останется между нами, не хватало, чтобы меня из органов выгнали за разглашение служебной тайны.

– Что ты натворила?

– Подожди. Дай мне закончить мысль, а потом вернёмся к крикам и унижению меня. Итак, когда я была в Америке, встретила с Праттом, и у нас зашёл разговор о старом деле. Он поведал мне интересную историю о том, что в 1987 году в Вирджинии произошла серия убийств девушек, точь-в-точь по характеру нападения совпадающих с характером убийства моей «Неизвестной». Раскрыл это дело агент из ФБР, некто Блэйк. Я попросила Пратта дать мне информацию, он покопался в архивах, и вот что мне удалось выяснить: дела почти идентичны. Тот же почерк преступления, тот же характер наносимых ран, посмертные манипуляции с телом, даже одежда у одной из жертв была расположена у неё под головой. Я тогда заметила ряд мелких отличий, но в свете последних событий они просто меркнут. Астов, у нас подражатель.

– Даже не хочу знать, как ты узнала об этом. Но это всё притянуто за уши. Я, конечно, не сомневаюсь в твоей интуиции, но пока слабоватая теория.

– Нет. Я тоже сомневалась, когда читала те документы, но сейчас... Нет. Я тебя уверяю: это делает один человек.

– Но это может делать и группа лиц, – Астов оперся на спинку кресла, переваривая только что полученную информацию.

– Астов, чем быстрее мы свяжем эти дела, тем проще будет идти расследование. Если я буду заниматься «Неизвестной», а другой следователь – «Георгином», мы попросту упустим важные детали и уйдём совершенно в другом направлении. Так мы только предоставим больше времени этому уроду на убийства. Отдай это дело мне. Я создам свою оперативно-следственную группу, я...

– Да, я всё понимаю, – Астов махнул рукой, – но этой информации мало, одни предположения. Вот что, это дело ведёт Громов Илья Сергеевич, главный следователь Кировского района. Ты завтра идёшь к нему и говоришь, что до тебя дошла информация по делу, которое он расследует. Высказываешь предположения, что они связаны. Всю вот эту муть льёшь ему в уши. Он тебя, естественно, посылает, как сделал бы любой здравомыслящий человек на его месте. Но! Но он запомнит этот разговор, а мы в это время сидим и ждём нового трупа. И если этот труп тоже будет походить на почерк одного из маньяков прошлого, тогда я сам организую следственно-оперативную группу.

– Будем сидеть и ждать нового убийства, – машинально повторила Ева.

– Ну, извините, капитан Тайнова, не в сказке живём. Как бы отвратительно это ни звучало, у нас нет другого выбора. Тем более что в обоих случаях зацепок нет. Завтра у тебя на столе будет лежать твоя любимая «Неизвестная», так что давай, начинай работать, ищи свидетелей. Привлечи к расследованию оперов.

– Привлекать некого, – девушка уставилась на Астова. – Кого? Чекушку и Полторашку? От них толку как от быка молока, – Ева задумчиво прикусила губу. – Помнишь, два года назад я работала с парнем над одним делом. Его фамилия Зобов, если я не ошибаюсь. Он толковый парень, в нём огромный потенциал, он ещё служит?

– Не знаю, о ком ты говоришь, но посмотрю, что можно сделать.

– Взамен могу предложить Чекушку.

– Так, капитан Тайнова!

– Что, генерал Астов?

Виктор с осуждением посмотрел на Еву.

– Я узнаю, что можно сделать.

Астов встал с кресла, собрал все фотографии и аккуратно положил обратно в папку. Он ещё раз взглянул на закрытую дверь спальни, еле заметно покачал головой и вышел в коридор. Ева последовала за ним.

Обуваясь, Астов добавил:

– И лучше не говори, что эту информацию тебе дал твой американский друг. Зачем лишние разговоры? Скажи, что в интернете статью на английском нашла и перевела.

– Спасибо, вот я сама ни за что бы не догадалась.

Астов бросил свой последний угрожающий взгляд на девушку и вышел из квартиры. Ева захлопнула за ним дверь.

«Нужно поменять замок на двери, – подумала Ева, перед тем как идти ложиться спать. – Надеюсь, на этот раз без кошмаров».

Глава 4. Тушёнка или рагу?

Ночь прошла без кошмаров. По выработанной за годы службы привычке Ева проснулась в шесть утра – будильника у неё не было, как и необходимости в нём, умылась, позавтракала, оделась и вышла из квартиры, надеясь быть одной из первых на работе, чтобы избежать «коридора приветствий». Так она называла свой путь от входной двери в здание до кабинета. Тайнова ненавидела эти утренние «Здравствуйте», «Доброе утро». Ненавидела бестолковые «Как дела?» Ей хотелось просто прийти в кабинет, спокойно сесть за стол и открыть папку с делом «Неизвестной».

Горло разболелось ещё сильнее. От температуры всё тело ломило, и выпитые на ночь антибиотики совершенно не помогли. На улице, как всегда, неистовствовал ливень с ураганным ветром, что было вполне естественно для этого города. Маленькая русская машинка под этим серым небом в струях ледяного дождя смотрелась ещё жалобнее, чем обычно. Ева ловко открыла дверь и прыгнула внутрь салона автомобиля, наспех включив печку. Ей предстоял долгий путь сквозь непроглядное полотно дождя.

Тайновой повезло: на работе она была одной из первых. Она поздоровалась с дежурным на проходной и спокойно прошла в свой кабинет. Даже её милой помощницы ещё не было на месте.

В кабинете на столе лежала внушительная папка с документами по делу «Неизвестной». Ева сняла верхнюю одежду и, даже не пытаясь стряхнуть с неё капли дождя, засунула в шкаф. Ей не терпелось перечитать этот материал в надежде найти что-то новое.

«Ненавижу. Уроды. Ничего не добавили. Даже личность жертвы не раскрыли. Ведь у них есть эта информация, раз были зацепки, раз они следили какое-то время за ней. Зачем эта конспирация? Я же всё равно это выясню. Ну почему для разнообразия не попытаться побыть людьми и немного упростить мне работу?»

От сокрушений её отвлек звонок стационарного телефона. По типу гудка она поняла, что звонила Татьяна.

– Да.

– Ева Александровна, здравствуйте. Вас просит к телефону Астахов Алексей Юрьевич, – Тайнова удивилась – звонящим был старший следователь Московского района. Один из немногих людей, с которым у Евы сложились доброжелательные отношения. – Мне соединить вас или вы сами ему перезвоните?

– Соединяй. Да, и скажи Топову и Левину, чтобы зашли ко мне. Хорошо?

– Конечно.

– Ева Александровна, приветствую! – послышался осипший голос на том конце провода.

– Доброе утро, майор Астахов. Что-то случилось?

– Да, я хотел узнать, не по вашей ли вине ходят слухи о переводе капитана Зобова к вам?

– По моей.

– Давно пора. А не подскажете, кем заменят?

– Думаю, что лейтенант Топов неплохо с вами сработается.

– Не помню такого. Хороший специалист?

– Думаю, вам понравится.

– Ох уж эти кадровые перестановки, – наигранно произнёс Астахов.

– И не говорите, – подыграла ему девушка.

– Спасибо за информацию, капитан Тайнова.

– Обращайтесь. До свидания.

Телефонный разговор оборвался. Тайнова порадовалась услышанной информации: «Хоть одна хорошая новость за сегодня», – подумала она, прежде чем в дверь постучали.

– Войдите, – Ева встала из-за стола и пошла навстречу человеку, открывающему дверь.
– Здравствуйте, капитан Тайнова.
– Давай без официоза. Привет, Миша. Где Пётр?
– В управление вызвали.
– Это к лучшему. Пока я была в отпуске, произошло много убийств?
– Как всегда: бытовуха, пьянка, наркомания. Следователь Веркин вроде справляется с отчётами и бумажками, – Левин улыбнулся.

– Помнишь дело с девушкой у церкви?

– Да.

– Заново начинаем расследование. Поезжай, опроси ещё раз всех свидетелей. Я бы сама, но у меня другие дела.

– Но я уже всех опросил, свидетелей-то нет. Старушка, которая тело нашла, ничего не видела и не слышала. К священнику ты сама ездила, а родственников погибшей так и не нашли. Это глухарь.

– Отправляйся к священнику и запроси у него список прихожан. С этого начнём, а дальше посмотрим, может, зацепки появятся.

– Хорошо. А почему Топа-то в комитет вызвали, не знаешь?

Ева посмотрела на Левина и решила не вдаваться в подробности.

– Нет. Не знаю.

– Ну ладно. Пока. Я дам знать, если что.

К тому моменту как лейтенант Левин вышел из кабинета, часы показывали одиннадцать утра, вполне подходящее время, чтобы позвонить Громову.

– Таня, найди мне номер Громова Ильи Сергеевича, он следователь Кировского района.

– Записывайте.

Ева набрала телефон и стала слушать длинные гудки. Больше всего она боялась услышать в трубке фразу «Он сейчас занят, он вам сам перезвонит». Но если такое произойдёт, то Тайнова приняла твёрдое решение самой поехать в его отдел и сидеть ждать, когда Громов соизволит её принять.

Но, как ни странно, произошло чудо – после разговора с его помощником Громов всё же взял трубку:

– Ева Александровна, что случилось?

– Илья Сергеевич, хочу сегодня лично встретиться с вами, есть разговор по одному делу.

– Я даже знаю, по какому делу. Ну, хорошо, подъезжайте ко мне к часу, поговорим.

– Буду обязательно.

На этом разговор закончился, и Ева начинала бояться сопутствующей ей сегодня удачи.

* * *

Ровно без четверти часа Тайнова входила в кабинет к Громову. Он сидел за огромным столом золотисто-коричневого цвета и надменно смотрел на входящую девушку. Всем своим видом он пытался показать своё превосходство над ней. Ева, немного нервничая, подошла к столу.

– Позвольте сесть? – не дожидаясь ответа, Тайнова сама отодвинула стул от массивного стола и, не обращая никакого внимания на хозяина кабинета, спокойно села.

– У нас в стране принято здороваться, – заявил восседающий в кресле мужчина.

– Полностью с вами согласна. А вы со мной поздоровались? Я-то да, когда входила в кабинет, а вот вашего приветствия не расслышала. Вы ещё хотите продолжать разговор о нормах приличия? – Громов поежился на стуле. Тайнова была уверена, что это из-за яда, который постоянно сочился из его пятой точки.

– Что у вас ко мне?

Подполковник Громов являлся ярким представителем всего того, что Тайнова больше всего презирала в людях: наглый, завистливый, грубый, изворотливый, глупый. Этот человек упорно старался не замечать своих ошибок, не слушал окружающих и не принимал советов. Ему было далеко за сорок пять, скорее, около пятидесяти лет. Внешний облик, как казалось Еве, полностью соответствовал его внутреннему миру: тучное тело еле помещалось в форму, засаленная лысина на голове ярко переливалась в лучах электрического света кабинета, двухдневная зелёная щетина властно располагалась на лице и втором подбородке, который, в свою очередь, противно трясся при каждом его слове.

– Дело о серийном убийце.

– Серийники – дело не новое, но редкое у нас в городе, так что не бросайтесь столь громкими заявлениями.

– Что вы думаете о девушке, которую нашли с изрезанным лицом? Какие у вас предположения?

– Да, я смотрю, вы обладаете намного большей информацией, чем я ожидал. Откуда знаете? Дело новое.

– А вы как думаете?

– Я ничего не думаю... Точнее, я думаю, что какой-нибудь придурок захотел её изнасиловать и нечаянно убил, а всё остальное сделал, чтобы следствие запутать. Перечитал Виктора Гюго – и пошло-поехало.

– О, так, значит, хоть что-то вы знаете.

– Тон полегче! – Громов багровел.

– Вам того же советую. Хотите дело раскрыть или нет? – Ева знала, что Громов её недолюбливал, скорее, ненавидел. Она знала, что сейчас не время для саркастичных выпадов, но ничего не могла с собой поделать.

– А у тебя уже и решение имеется? Ой, я забыл, ты же у нас самая умная.

– Перейдём к делу, – Тайнова закипала, собственно, как и Громов, поэтому решила сменить тактику. – Я видела фотографии. Слышали о деле «Чёрный георгин»?

– Нет, – с неохотой ответил Громов, – а что там?

– То же самое, что и у вас. Один в один исходя из фотографий, которые я видела. А что поведало вскрытие?

– Так, давай ты сначала скажешь, с чего ты взяла, что это серия.

– Вот, – Ева достала из сумки папку с документами. – Нашли девушку, тринадцать ножевых ранений, распоротый живот, изнасилована после смерти, подробности в отчёте по аутопсии.

Громов некоторое время молчал, бегло перечитывая отчёт.

– М-д-а-а-а, – после чтения произнёс он. – Жестоко, но почерк абсолютно разный. Где взаимосвязь?

– Точно такое же убийство произошло в восемьдесят седьмом году в Америке, а сейчас у вас дело, которое произошло в сорок седьмом году, также в Америке. Я думаю, что у нас подражатель.

Подполковник задумался, он долго смотрел в одну точку, почёсывая второй подбородок, а потом резко произнёс:

– Глупости. Почерки разные, подумаешь, совпадение. Я, конечно, сегодня посмотрю, что там за чёрный... Как его там?

– Георгин, – подсказала Тайнова.

– Я проверю, совпадает или нет почерк. Если да, будем думать, может, с комитетом свяжемся, людей тогда пусть нам дают, а пока всё. Иди, расследуй убийство своё. Я позвоню.

– Хорошо. Только не затягивайте. Лучше быть вместе и делиться информацией, чем идти по ложному следу. За «глухарей» нас особо по голове не глядят.

– Ой, иди уже отсюда, Тайнова. Умная тут самая нашлась. Без тебя умеем работать! И дверь за собой закрой!

Ева захлопнула дверь. Она чувствовала, что в этой схватке победа была на её стороне.

* * *

Девушка бежала к машине под непрекращающийся дождь, который колючими каплями хлестал по щекам. Она слышала, как в кармане плаща трезвонил телефон, но доставать его на улице, со всех сторон обдуваемой ветром и обжигающим лицо ливнем, ей не хотелось. Она запрыгнула в машину и ответила на вызов:

– Да, Левин, что у тебя?

– Ты знаешь, сколько зарегистрированных прихожан в этой церкви? – возмущённый голос Левина послышался на том конце трубки.

– Нет.

– Триста шестьдесят четыре человека. И это только зарегистрированных! Священник сказал, что зайти может любой, и таких вот ходоков в десятки раз больше. Как ты планируешь опросить триста шестьдесят три человека за минусом той бабушки?

– Никак не планирую. А тараканчики, что живут у тебя в голове, не потербелили отдел твоего мозга, отвечающий за сообразительность, и ты, случайно, не спросил: «А есть среди всех этих зарегистрированных хоть один человек, вызывающий подозрения?» Спросил?

– Так! Ты сказала взять список, кстати, мне его не дали, об этом я не спрашивал. Ты сказала спросить?

– Твою мать, Левин! Но ты же лейтенант Левин, оперуполномоченный убийного отдела Фрунзенского района, у тебя должен же быть мозг!

– Попрошу без оскорблений!

– Возвращайся! – не успокаивалась Ева.

– Завтра вернусь. Я уехал далеко, – всё больше раздражая Тайнову, заявил Левин.

– Сейчас же! – рявкнула Ева. – Хочешь, попрошу, чтобы тебе это ещё кто-нибудь сказал?

– Ладно. Возвращаюсь. Расспрошу подробнее.

Ева сбросила телефонный звонок, не давая договорить Левину.

Она понимала, что сроки поджимают и ей во что бы то ни стало нужно выяснить личность жертвы. Но сейчас Тайнова находилась в тупике: по отпечаткам совпадений нет, а значит, не было приводов в полицию; родственники так и не объявились, заявлений о пропаже похожей девочки тоже никто не подавал. А это была жизненно важная информация. Связать два этих дела по почерку преступления не получится, оставалось связать их по личностям жертв: возможно, они были знакомы, возможно, у них были общие друзья или они учились в одной школе. У них должно было быть что-то общее.

За этими размышлениями Тайнова не заметила, как подъехала к работе, как вошла в здание и уже бежала по направлению к кабинету.

– Ева Александровна!

Тайнова обернулась.

– Да?

– Вам только что принесли, – Татьяна протянула Еве конверт. – Сказали передать лично в руки.

– Спасибо, – девушка приняла из рук помощницы конверт и зашла в кабинет.

* * *

Тяжёлые чёрные облака с устрашающими раскатами грома медленно маршировали по небу, уничтожая на своём пути любую попытку солнечных лучей достигнуть земли. Свинцовое небо низвергало тонны дождя, словно стараясь смыть всё, что было ему чуждо. Серый день больше походил на вечные сумерки.

В полутьме кабинета Ева сидела за своим скромным столом, держа в руках то, что сейчас ей казалось «Святым Граалем». Всего несколько листков белой бумаги с напечатанными сухим текстом строками и фотографией. Эти несколько фраз заключали в себе ту самую желанную зацепку.

С фотографии на Тайнову смотрело юное грустное лицо белокурой девушки – её «Неизвестной». К этой цветной фотокарточке прилагалось досье:

«Иванова Олеся Константиновна. Шестнадцать лет. Родственников нет. Воспитанница детского дома № 26. Склонна к бродяжничеству. Общее количество побегов из детского дома – пять. Четыре раза возвращалась по собственному желанию. Приводов в полицию нет. В правонарушениях замечена не была.

Рост – 165 сантиметров. Вес – 55 килограммов. Глаза голубые. Волосы светло-русые. Худощавое телосложение. На правом плече родимое пятно».

Ева несколько раз прочитала текст письма, положила фотографию в прозрачный файл и обрезала его до размеров фотокарточки.

«Спасибо тебе, Астов. Значит, поднажал ты на своего знакомого. Теперь с этим можно работать».

Тайнова посмотрела на часы, маленькая стрелка которых неумолимо подползала к пятичасовой отметке. Она сделала глубокий вдох и такой же глубокий выдох, пытаясь понять, сколько времени ей потребуется, чтобы добраться до детского дома № 26. Девушка машинально потянулась к трубке сотового телефона, но тут же отбросила эту идею: звать на помощь некого, да и незачем. Тайнова всё равно никому не доверяла так, как себе, и ехать нужно было самой. Её затошнило – то ли от мысли, что снова придётся садиться за руль, то ли от температуры и слабости во всём теле. Голова безжалостно болела, кровь пульсировала в висках, а боль в горле начинала приносить всё больший дискомфорт.

Ева достала пузырёк с антибиотиками из выдвижного шкафчика стола и с усилием проглотила горьковатую пилюлю. Жалеть себя времени не было, и она неохотно нажала на кнопку своего рабочего телефона.

– Танюша, позвони, пожалуйста, в детский дом номер двадцать шесть и договорись о встрече с директором этого заведения. Скажи, что я буду через час или полтора часа. И сделай полупрозрачный намёк, что если я его там вдруг не застану, то тогда с ордером и отрядом полиции приду к нему домой. Хорошо?

– Конечно, стоит обозначить тему встречи?

– Нет. Просто скажи, что это очень важно.

– Хорошо.

Телефон отключился, а Ева в очередной раз схватила со стола свой скомканный плащ и вышла из кабинета.

* * *

Угнетающее зрелище ещё не совсем начавшейся, но уже упущенной жизни. Обветшалые стены, унылая площадка, которая вроде как детская игровая, но совсем не игровая и не детская. Обшарпанные потайные уголки, где курящие подростки вроде как прячутся от взрослых, а

вроде как и нет. Их глаза наполнены непониманием, болью и злостью. Злостью на окружающий мир. Тот мир, который уже заведомо считает их виноватыми во всех смертных грехах, хотя они ещё ничего и не сделали. Как ничего не сделали они и своим родителям, которые с таким лёгким сердцем оставили их выживать в этих импровизированных тюремных стенах.

Ей было знакомо это чувство, она помнила те мысли, которые могут прийти только на заднем дворе школы-интерната, когда ты смотришь через металлическую решётку забора на проходящих мимо счастливых родителей с ребёнком и думаешь: «А у меня такого уже никогда не будет. Не будет его, счастливого детства».

Тайнова тряхнула головой, стараясь отбросить тревожные воспоминания. Она вышла из машины, поуютнее закуталась в плащ и пошла на встречу с директором детского дома № 26. На пороге главного входа её ждала молодая женщина с пышными формами и коротко подстриженными волосами розоватого оттенка. Женщина выглядела приветливой, смущённой и напуганной одновременно. Первой представилась Ева:

– Старший следователь Фрунзенского района капитан Тайнова Ева Александровна.

– Здравствуйте, я Марина... Марина Петровна. Я тут воспитательницей работаю. Мне наш директор, Вера Ивановна, сказала, чтобы я вас встретила. А что случилось?

– Я хотела бы поговорить с вами об Ивановой Олеся Константиновне, – Ева достала фотографию из кармана плаща и показала воспитателю, – вам она знакома?

– Да-да, это наша воспитанница, она сбежала две недели назад где-то... Я как раз сегодня хотела идти подавать заявление о пропаже... Просто, понимаете, она часто сбегала, но через пять дней всегда возвращалась сама, мы и тут думали, что сама объявится, а её нет и нет, вот и хотели сегодня уже идти, – женщина тараторила, явно стараясь оправдаться.

– Ну-ну, – подозрительно посмотрела на собеседницу Тайнова. – Именно сегодня? Да?

– Да! Да! Вот прям перед тем, как позвонили из вашего отдела. А что она натворила? Понимаете, она хорошая девочка. Я уверена, что, что бы ни случилось, это либо не она, либо её заставили. Мы хорошо к ней относились! Вот прям всю душу вкладывали и...

– Да, я не сомневаюсь, – перебила Марину Петровну старший следователь. – Её убили, и мне необходимо поговорить с директором. Она на месте?

Ева заглянула в глаза воспитательницы и не увидела там никаких признаков скорби или шока. Небольшое удивление, не больше.

– Как умерла? А что случилось?

– Не умерла, а убили. Проводите меня к директору.

Они зашли внутрь здания, прошли по почти отремонтированному коридору, наполненному снующими туда-сюда детьми разных возрастов, и оказались у роскошной двери из массива дерева, на которой торжественно располагалась табличка с надписью «Директор детского дома № 26 Горбушина Вера Ивановна». Контраст между состоянием всего детского дома и роскошью двери в кабинет директора красноречиво рассказывал о самом директоре.

Тайнову передёрнуло. Она даже не подумала постучать в дверь, прежде чем вошла в кабинет.

– Старший следователь Тайнова Ева Александровна.

Из-за стола встала широкоплечая женщина лет шестидесяти и приветливо улыбнулась, оголяя золотые зубы.

– Вера Ивановна, – представилась она. – Прошу заметить, что мой рабочий день уже закончен, но я вас дождалась, как и просили.

– Замечу, – Тайнова протянула фотографию в прозрачном файле. – Вам знакома эта девушка? Если отвечает, можете достать фотографию из файла.

– Нет, в этом нет необходимости. Это Олеся. А что случилось? Марина, можешь идти, – обратилась женщина с золотыми зубами к скромно стоящей около двери воспитательнице. – Ой, вы присаживайтесь. Так что случилось с Олесей?

– Её убили, сейчас ведётся расследование по факту установления личности убийцы. Её тело пока в морге, вам или вашим сотрудникам необходимо завтра подъехать в морг для опознания. Это обязательная процедура для протокола. Я оставлю вам адрес. У Олеси были близкие друзья здесь, парень или дальние родственники, которые навещали её?

– Нет, родственники так и не нашлись, её никто не посещал. Ничего особенного сказать про неё не могу. Обычная девушка, особых проблем с ней не было, ну, разве что была склонна к бродяжничеству. Сбегала иногда, но всегда сама возвращалась, мы и в этот раз ничего подобного предположить не могли, а тут...

– С кем я могу поговорить из местных детей? С кем она общалась больше всего? Друзья?

– Понимаете, – обладательница сожжённых гидроперитом волос опустила глаза и ладонями погладила свой отполированный до блеска стол, – это будет сложно сделать. Все дети несовершеннолетние, я не могу вот так взять и разрешить вам их допрашивать. Для этого нужно особое разрешение.

– Серьёзно? – Ева облокотилась на стол и почти вплотную приблизилась к лицу Веры Ивановны. – Особое разрешение, говорите? Я могу его получить, а ещё могу получить ордер на обыск, прийти сюда с целой кучей полицейских и кинологов, и, не дай Бог, конечно, мы найдём травку у одного из воспитанников, и что же тогда делать? Нам придётся заводить дело о ненадлежащей охране, заботе и защите детей в этом детском доме. Мы заинтересуемся, почему ребёнок пропадает и его две недели никто не ищет и не подаёт заявление на розыск. А ещё придётся проверить все бухгалтерские счета, поток движения денежных средств. И что-то мне подсказывает, что эта шикарная дверь, этот стол и обстановка в кабинете не выдержат этого испытания, как и вы. Но зачем нам всё усложнять? Ведь в этом нет необходимости?

– Нет, – лицо директора детского дома покраснело и почти слилось с цветом румян.

– Правильно. Думаю, и для меня, и для вас, со всем уважением, будет проще, если я всего лишь поговорю с близким другом Олеси и расспрошу только об Олесе, не задавая лишних вопросов о самом детском доме или процессе воспитания. И как бы грубо ни звучали мои слова, сейчас мне до этого нет никакого дела.

– Конечно, капитан... Капитан?

– Тайнова.

– Капитан Тайнова. Я попрошу Марину, чтобы она вам рассказала, с кем из детей у Олеси сложились наиболее близкие отношения.

– Я вам очень благодарна.

Ева не удивилась, когда обнаружила за дверью Марину Петровну, делающую вид, что она вовсе не подслушивала, а разглядывала рисунок на плитке пола.

– С кем здесь дружила Олеся?

– Да... Хм... С Ленкой. Подруги прям не разлей вода... Были. Она один раз даже вместе с ней сбегала, но не понравилось, видимо, ей бродяжничать. Не уловила она романтики жизни под открытым небом. Мы её сейчас найдём. Она обычно на заднем дворе в это время сидит. Скажите, пожалуйста, что, Олеся прям убили-убили?

– Да. Мертвее мёртвых.

Ленка и правда оказалась на заднем дворе детского дома. Она сидела на пеньке срубленного дерева, задумчиво всматриваясь в землю и теребя в руках полуистлевший бычок сигареты. Чем ближе подходила Тайнова, тем лучше ей удавалось рассмотреть девушку: каштановые волосы, забранные в конский хвост, густые чёрные брови, длинные ресницы, жёлтые зубы, обгрызенные ногти. На ней были кроссовки неопределённой марки, чёрные джинсы и ярко-салатовая куртка размера на два больше её самой.

– Марина Петровна, разрешите я наедине поговорю с этой девочкой, – воспитательница замялась. – Не волнуйтесь, я договорилась с директором.

– Ну, хорошо, – облегчённо выдохнула Марина и ушла.

Следователь подождала, пока тучная фигура скроется за входной дверью главного здания, и осторожно подошла к девушке.

– Лена?

Девочка вздрогнула так, как будто вышла из транса, и посмотрела на незнакомку.

– Да.

– Я хотела бы с тобой поговорить.

– А ты «мусор», что ли?

– Ого! – от этих слов Ева невольно вздёрнула брови и улыбнулась. – И мусор встречается в моей профессии, но я привыкла представляться как следователь Тайнова Ева Александровна. Можешь просто Ева.

– Просто – непросто. Я с ментами не разговариваю.

– Закурить хочешь? – Ева достала из пальто нераскрытую пачку сигарет, – Да брось! Я же вижу, что хочешь. Ты не просто так тут сидишь, это место не просматривается из окон здания, и ты только что выкинула истлевший бычок. На скольких его раскурили? А? Человек на десять? – девочка недоверчиво посмотрела на Тайнову, но огонёк в глазах загорелся. – Ну так что? Будешь или нет?

Лена выхватила пачку из рук Евы, наспех её открыла, достала сигарету и протянула пачку обратно.

– Оставь себе, я бросила. Я хочу с тобой об Олесе поговорить. Мне сказали, что ты её лучшая подруга.

– А что случилось? – глубоко затянувшись, прошептала девочка. – Олеська – хорошая деваха, она ничего бы плохого не сделала.

– Я не сомневаюсь.

– Тогда что надо? Ближе к делу.

– Убили её, – следователь заметила, как округлились глаза подростка, но решила продолжать: – Я хочу найти человека, который это сделал. Но мне нужна твоя помощь, мне нужно, чтобы ты рассказала всё, что знаешь.

– Убили, – почти беззвучно произнесла Лена. – Нет. Нет же! Кого? Олеську убили? – в полном замешательстве девочка вскочила с пенька и, задыхаясь, начала ходить взад-вперёд, периодически садясь на корточки и, не останавливаясь, повторяя слово «нет».

Тайнова решила не вмешиваться и подождать, когда девочка придёт в себя от услышанных слов. Минут через пять Лена всё же взяла себя в руки и со слезами на глазах произнесла:

– Как это произошло?

– Я не могу тебе рассказать, и это сейчас не имеет значения. Расскажи мне всё, что ты знала о ней и о её жизни.

– Да всё знала, – начала свой рассказ воспитанница детского дома. – Она хорошая была, в людях пыталась только хорошее рассмотреть, но не дура, то есть доверчивой дурочкой Олеську не назовёшь, чуйка у неё была! Говно начинала за километр чують. Только сбегать любила. Не знаю, почему. Я с ней разок попробовала. Дерьмо! Мне не понравилось: ходишь, воняешь, спишь на улице. А она говорила, что так можно приблизиться к городу, подготовиться к жизни, когда из дома выгонят. Ну, не знаю, это бред всё. А так с парнями направо и налево не трахалась. Да, я говорю, умная была, не пошла бы ни с кем тёмным. Было, правда, один раз, год назад где-то, связалась с какими-то мажорами, что ли, не знаю, может, и не мажоры. Два парня, бороды такие длинные чёрные и лысые, то есть головы лысые у них были. На машинах дорогих раскатывали. Я потом спрашивала её: «Чё там с ними?» Она сказала, что дерьмом веет, втянуть куда-то хотели её, но она вовремя выпуталась, а может, и не выпуталась, может, наврала мне.

– А какого-нибудь другого друга за домом у неё не было? Ну, может, старший кто? Покровитель? Деньгами её обеспечивал, подарки дарил?

– Папик, что ли? Нет, я бы знала. Да она с Генкой того, ну, то есть встречались они, – на этих словах Лена закатила глаза. – Но он нашенький, из местных ребят. Любит, любил вроде её. Защищал пару раз, в драки из-за неё ввязывался. Ему один раз даже Вовка нос разбил, он парень здоровый. Нет, не могла она, не пошла бы ни с кем. Да, я ей всегда говорила, что все мужики – твари поганые, здесь каждая девчонка об этом знает. Особенно папики. У нас у всех нос начеку.

– А у Олеси были странные привычки или хобби какое?

– Она мечтала поэтессой стать, стихи всё писала, только не стихи получались, а четыре строчки, они там как-то называются, я не помню.

– Четверостишия?

– Ага, говорила, когда уйдут они с Генкой отсюда, то он работу найдёт, а она стихами зарабатывать будет. Бред. Вон Генка идёт, может, он ещё чего скажет. Я правда всё рассказала, нет ничего и никого такого. Можно я пойду, полежу? Мне что-то нехорошо.

– Курить бросай! – Ева крикнула в спину удаляющейся девушке.

– Зачем? Думаете, это меня спасёт? Как-то поможет?

– Тебе решать. Ты, самое главное, не сдавайся, потерпи, вот увидишь, потом всё будет лучше.

– Скажите об этом Олесе... Посмотрим. Спасибо, – девушка потрясла пачкой.

– На здоровье.

Лена поравнялась с приближающимся парнем, заглянула ему в глаза и покачала головой, а потом скрылась за деревьями. Тайнова смотрела на рыжего кучерявого парня в спортивном костюме, его лицо излучало уверенность и озадаченность.

– Здравствуйте, меня Гена зовут, а вы про Олесю спрашиваете, да? Я хочу, чтобы вы её начали искать. Я говорил этим уродкам, – чуть тише произнёс парень последнее слово, – но они только рукой махали, мол, сама вернётся.

– Гена, меня зовут Ева Александровна, я следователь из полиции.

– И?

– Ты крепкий парень? Мне сказали, что да.

– И?

Ева села на мокрый пенёк, посмотрела на молодого человека и с усилием произнесла:

– Олесья мертва.

Несколько секунд парень молчал. Он в полном недоумении смотрел на следователя, не находя слов, чтобы продолжить разговор. Ева достала фотографию и протянула ему.

– Это она?

– Кто этот ублюдок? Кто это сделал? – он держал фотографию трясущимися руками, не решаясь поднять глаза.

– Этого я пока не знаю, но очень надеюсь, что ты мне поможешь, – Тайнова подошла поближе к мальчику. – Давай сделаем кружок вокруг дома, стоять на мокрой земле слишком холодно, составишь мне компанию?

– Это точно она? Может, вы ошибаетесь? – вопрошающе смотрел говорящий на следователя, стараясь найти хоть каплю сомнения в её глазах, но сомнения не было. – Вы не ошибаетесь. Хорошо, что я могу сделать? – он отвернулся, сдерживая слёзы.

– Ты можешь ответить на мои вопросы, но самое главное, чем ты можешь помочь, – это ни в коем случае не сбегать из детдома и не пытаться выяснить всё самостоятельно. Ты меня понял? – парень кивнул в знак согласия. – Вы давно с Олесей встречаетесь?

– Официально полгода, а так с раннего детства общались, дружили. У нас планы были – вместе потом жить. Я... Она нравилась мне очень, – Ева чувствовала, как нарастал ком отчаяния и горя у него в горле, чувствовала, что он из последних сил держался. Она осознавала,

что у этого молодого человека сейчас отняли его последние мечты. – Олеся хорошая... Была. А это точно, точно она? Может, вы ошиблись? Такое бывает, я слышал...

– Не в этот раз. Скажи, почему она так часто сбегала?

– Нравилось чувствовать свободу. Так она говорила. Тут все сбегали хоть раз, но если есть мозги, то возвращались.

– Почему она сбежала последний раз, почему тебя с собой не позвала?

– Она сказала, что на два дня сбежит, побродит и вернётся. Сказала, чтобы я не волновался и что всё будет хорошо. Я и не волновался два дня, а потом тревогу забил, но разве этих, – он махнул головой в сторону здания, – переубедишь?

– А ты не замечал изменений в её поведении в последнее время?

– Нет, она всегда была немного весёлая, немного грустная. Ну, может, последний год чуть грустнее. Хорошая девчонка, даже в церковь как-то ходила.

– В церковь? – словно электрическим током пронзили эти слова Тайнову. – А в какую именно церковь, она не говорила? Православная или католическая?

– Нет. Она просто разок упомянула, что в церковь особую заходила, куда всех пускают, что там все добрые и понимающие. Кормили. Но это раз всего было, а потом она больше об этом не говорила.

– Может, замечал около неё кого-то подозрительного?

– Нет, её никто никогда не навещал, да и она об этом мне не рассказывала.

– Может, ей угрожали? Или у местных ребят зуб был?

– Нет, у ребят точно нет, а вот воспитатели... Хотя... Нет. Здесь все бабы в основном. Она тихая в этом плане была, никого не доставала, поэтому её тоже никто не трогал.

– Мне Лена сказала, что она стихи писала. Ты покажешь мне, где её кровать или тумбочка для личных вещей?

– Да, конечно, – они изменили свой маршрут и направились в сторону входа в детский дом. Мальчик некоторое время молчал, а потом посмотрел Еве в глаза и сказал: – Найдите его, пожалуйста. Она не заслужила этого.

Ева никогда не давала обещаний, тем более когда не могла их выполнить, поэтому нашла наиболее подходящие в этой ситуации слова:

– Я постараюсь.

У входа их ждал конвой, состоящий из уже знакомой воспитательницы и директора Веры Ивановны. Женщины уже успели переодеться в тёплую верхнюю одежду, как нельзя лучше подходящую для такой весны.

– Следователь Тайнова, мы можем чем-нибудь ещё вам помочь?

– Конечно, я конфискую все личные вещи Ивановой Олеси для дальнейшего расследования. Вы должны проследовать со мной в качестве понятых.

* * *

На момент её возвращения домой часы показывали одиннадцать вечера. От мучащей боли и усталости она почти не могла дышать. Есть не хотелось, хотя за весь день она так и не успела перекусить. На автомате Тайнова прошла на кухню и щёлкнула выключатель электрического чайника. Кофе – единственное, что сейчас помогло бы расслабиться и собрать мысли в более или менее упорядоченную кучу.

С горячим кофе в полумраке квартиры Ева сидела за столом и смотрела на лежащие там фотографию и дешёвенький блокнот, который можно было купить в любом канцелярском магазине города. Тайнова сделал глоток обжигающего напитка, закинула нагие ноги на подлокотник кресла и открыла блокнот. В нём она нашла написанные от руки стихи, посвящённые природе, друзьям, любимому. Она бегло просматривала наивные строки, пока взгляд не

наткнулся на что-то странное и более интересное, а именно два последних четверостишия. Они явно отличались от других: во-первых, несколько страниц перед этими стихами были пустыми, как будто специально для чего-то оставленные; во-вторых, сами четверостишия были несколько раз обведены фломастером розового цвета, что выглядело как импровизированная рамка. Автор явно хотел их выделить. Тайнова попыталась вчитаться в стихи.

Первое:

«Он мягкий и чистый,
В глаза мне посмотрит
И нежной ладонью
Грехи мои смое!».

И второе:

«В глазах его
Я вижу свет.
Иисус придёт,
Спасенье есть!»

«Спасенье есть? Он? Кто он? Спасенье. Не спас он тебя, – вслух произнесла Ева. Не отдавая себе отчёта, она встала с кресла и, словно хищник, запертый в клетке, принялась ходить взад-вперёд по гостиной. – Он? Кто же тот мужчина, в глазах которого ты свет видела? Это не Гена, это не про него ты писала. Иисус? Нет. Нежной ладонью... Он мягкий... Это человек из плоти и крови. Так кто он? Ну, дай же мне зацепку. Почему ты имя его не записала? Куда ты меня ведёшь? Что ты говоришь мне своими стихами? Я не понимаю! Это ты одержима или он одержим? Ты один раз сходила в эту церковь? Сколько раз ты была там? Или это не церковь вовсе? Ты побывала в этой церкви и через год после этого написала стихи, наполненные религиозным смыслом, стала грустнее, и наконец твоё тело находят недалеко от католической церкви. Это связь? Это подсказка? Это тот священник с проповедями про огонь в глазах? Возможно. Тогда при чём здесь «Чёрный георгин», «Хирург»? Не доказано, что в этих делах была религиозная подоплёка, да и зачем так заморачиваться и имитировать убийства из прошлого? Здесь что-то другое, но что? А вторая жертва? Она ходила в церковь? Была религиозна? – Ева взглянула на часы – время было глубоко за полночь. – Звонить Громову уже поздно. Они знают? Они спрашивали? А вдруг дела не связаны? Вдруг я не права?»

Ева открыла дверь в спальню и подошла к доске расследования своей жизни, доске расследования той ночи. Она смотрела на фотографию своей мамы в центре паутины красных и зелёных лент, ведущих от одной фотографии к другой, от одного куса газетной вырезки к другому. В такие моменты эта стена помогала ей найти уверенность в себе. Тайнова смотрела на нераскрытое, на самое странное дело своей жизни и убеждалась, что больше не допустит нераскрытых убийств, больше не позволит себе что-то упустить, что-то забыть.

«Нет. Я права, – она дотронулась до фотографии улыбающейся красивой женщины. – Ведь я права, мама?»

Безмолвный ответ скрыла ночь.

* * *

Иногда Еве казалось, что Морфей её ненавидит. Он либо вообще не приходил, либо одаривал кошмарами. Она и сама не знала, что хуже. Мысли перемешивались, сплетались в

паутину из фраз, дел и поступков, а она как маленькая мушка неистово билась в ней, пытаясь выбраться, но всё больше и больше погружалась в вязкий капкан.

Температура не спадала, а горло уже горело огнём. С ног до головы Ева покрылась холодным липким потом, от чего злилась ещё больше. Обессиленная, больная и истощённая от голодания Ева встала с кровати и пошла в ванную комнату, чтобы попытаться смыть с себя злость.

На полусогнутых ватных ногах она почти ползком добралась до крана со спасительной прохладной водой, почти открыла его, почти умылась, когда услышала раздражающе громкий звонок сотового телефона.

Во мраке квартиры, спотыкаясь и ругаясь, девушка на звук нащупала около прикроватного столика телефон.

– Следователь Тайнова слушает.

– Ева Александровна, здравствуйте! – девушка узнала голос Астахова. – Я понимаю, что время пять утра, но тебе... Вам... Да какого хера, тебе это понравится. Ты же любишь всю эту непонятную чертовщину. Записывай адрес и приезжай как можно быстрее.

* * *

Погода поменялась, стало заметно теплее. Ливень утих, а пронизывающий ветер сменился на лёгкий тёплый бриз. Тайнова стояла возле дежурной машины ППС в кожаной куртке, чёрной майке и обтягивающих чёрных джинсах. Из подъезда вышел хорошо знакомый ей оперуполномоченный Зобов Денис Владимирович. Странный персонаж. Он был хорош собой и знал об этом, но его внешняя привлекательность никак не влияла на его умственные способности. Ева работала с ним один раз и до сих пор считала его одним из лучших сотрудников убойного отдела полиции. Ему тридцать шесть лет, не женат, детей не имеет. Рост 189–192 сантиметра, атлетически сложенный обладатель широких плеч. Чёрные волосы, карие глаза, лицо покрывала чёрная щетина. Ничего особенного, но что-то в нём было не так.

Ева договорила с патрульным и пошла навстречу оперуполномоченному. Он улыбался во все свои тридцать два белых зуба, отвечать взаимной улыбкой у Тайновой просто не было сил.

– Здравствуй, Зобов, давай без званий, обрисуешь, что такого ужасного произошло, что меня сюда позвали?

– Лучше сама посмотри. Пойдём, я покажу тебе, где квартира. Астахов с потерпевшей разговаривает, которая банку нашла.

– Какую банку?

– Криминалисты работают, они хотели забрать, но мы попросили подождать до твоего приезда.

Ева зашла в квартиру, заполненную людьми в форме и без. Здесь были и участковый, и криминалисты, и сотрудник патрульно-постовой службы. В зале Тайнова заметила пожилую женщину, о чём-то разговаривающую со следователем Астаховым.

– Зачем он приехал? – Тайнова кивком головы указала на Астахова и прошла дальше по коридору.

– Я его вызвал. Он предупредил всех: если найдём что-то необычное, совсем необычное, чтобы ему сразу звонили.

После всех приветствий Зобов проводил Еву на кухню. На голубоватом столе, расцветка которого лишь слегка напоминала цвет морской волны, на газете лежала отрубленная человеческая рука и рядом на таком же куске газеты стояла банка, наполненная чем-то непонятным. С немой вопросом Ева посмотрела на Зобова.

– Тушёнка. В банке тушёнка, – ответил на немой вопрос Зобов.

– А на столе рука. Спасибо, капитан. Что тут происходит? – от увиденного зрелища сонливость и усталость Евы как рукой сняло.

– Гражданка Рахманинова, прогуливаясь с собакой, нашла на улице стеклянную банку с тушёнкой. Она решила, что её, банку, оставили для бездомных кошек или собак. На тот момент банка была закрыта. Рахманинова забрала банку домой, для того чтобы покормить своего домашнего питомца. Когда уже дома она открыла банку, то обнаружила в ней человеческую руку. После чего она незамедлительно позвонила в полицию. Вот мы здесь. Что скажешь? У нас что, новый Спесивцев объявился?

Ева подошла поближе к столу.

– Факт каннибализма Спесивцева так и не был доказан, возможно, он скармливал трупы своих жертв собакам, но уж точно рагу не готовил, думаю, это больше похоже на Фиша.

– Тушёнку.

– Что? – переспросила Ева.

– Не рагу, а тушёнку, – уточнил Денис. – Фиш? Это американский маньяк девятнадцатого века, он ещё полиции сказал, что из ребёнка тушёнку приготовил и съел?

– Да, громкое заявление. Только не тушёнку, а рагу. И в банке рагу. Рагу готовится из мяса и овощей, а тушёнка – это вареное консервированное мясо. В банке овощи, значит, это рагу. Но рука точно не ребёнка, больше на руку зрелого мужчины похожа, но это уже патологоанатому определять.

– Так что, у нас новый Фиш?

– Нет, не Фиш, кто-то страшнее...

Разговаривающие не заметили, что на кухне последние две минуты стоял третий и с ужасом слушал их обсуждения, не смея вмешиваться.

– Господа, если вы закончили обсуждать кулинарные изыски, то я хотел бы как-то сдвинуть с места расследование, – Астахов на минуту перевёл внимание и обратился к участковому. – Везите даму к нам в отдел, снимите отпечатки пальчиков, завтра пойдём искать, где она эту банку обнаружила. Ева, насмотрелась? – Тайнова утвердительно кивнула. – Господа криминалисты, сворачивайтесь, увозите всё на анализы, нужны отпечатки, мы вам потом предоставим отпечатки гражданки Рахманиновой для исключения, не задерживайте отчёт. Ева, Денис, выйдем на улицу, поговорим.

– Что скажешь? – Астахов, разворачивая обёртку от миниатюрной плитки шоколада, обратился к Еве. – Странно, да? У меня лично на практике такого не было.

– Я не буду тянуть быка за рога и скажу прямо: вам Громов вчера не звонил?

– Громов? Это из Кировского? Нет, а что?

– У нас серийный убийца. И твой, извините, ваш, – обращаясь также к Зобову, исправились Ева, – ваш случай основательно доказывает это. У нас подражатель, имитатор, называйте, как хотите. Третий случай за две недели. Это колоссальная скорость.

– Как и у тебя: скорость – что надо! Что за серийник? Ты давай успокойся, а то выглядишь неважно. Мы, следователи, слово «серия» не любим. Это явление страшное...

– А руки в тушёнке – частое явление? – переспросила Ева.

– В рагу, – перебил Еву капитан Зобов.

– Что? – недоумевающе посмотрела на Зобова Тайнова.

– В рагу. Тушёнка и рагу – это разные блюда. Тушёнка состоит только из мяса, а для того чтобы приготовить рагу, нам необходимы овощи, корнеплоды, например картошка, и мясо, например человеческая рука.

– Денис?! – возмущённо крикнул Астахов.

– Просто для Евы Александровны этот факт очень важен, я решил уточнить.

– Молодец, Зобов, – Ева отвернулась от Дениса и стала общаться непосредственно с Астаховым.

– Давайте подождём отпечатки пальцев, – доедая шоколад, парировал Астахов.

– Не будет у тебя никаких отпечатков, – не сдавалась Тайнова. – Если ты про отпечатки с банки, поверь мне: она чистая как слеза. Если ты про отпечатки с руки, то мне одного взгляда на неё было достаточно, чтобы понять, что там уровень мацерации такой, что хрен определишь хоть что-нибудь, не говоря уж об отпечатках.

– У тебя есть ещё какая-то информация? Я правильно понимаю?

– Есть, – Ева достала телефон из кармана куртки. – Я звоню Астову.

– Астову?! – в один голос удивлённо произнесли оба мужчины.

– Господа, мы в дерьме! – на бегу прокричала Ева, уже приближаясь к своей машине.

Глава 5. Битва

- Где твои воспоминания?
- Там, откуда им никогда не выбраться.
- Зачем?
- Так будет лучше.
- Для кого?
- Я не знаю, знаю только, что так лучше... Кто ты?
- Я тот, кто здесь с тобой.
- Мне знаком твой голос...
- Я знаю... Он там же, где воспоминания...
- Этот дом...

Она стояла посреди большого холла, зная: если обернётся, за спиной будет дверь. Ей хотелось убежать, но она не могла. Она слышала этот голос. Он звал её.

Один шаг в сумраке комнаты глухим эхом потревожил спящее лоно дома. Окружающая обстановка – этот ночник на столе-раскладушке, этот телефон с круговым циферблатом. Всё так знакомо.

– Я здесь с тобой, – снова она услышала голос, доносившийся со второго этажа двухэтажного ветхого частного дома.

В трансе Ева пошла на звук. Она преодолела холл, завернула за угол и увидела маленькую лестницу, ведущую на второй этаж.

– Я здесь с тобой, – неутомимо продолжал звать голос.

Девушка поднялась и осмотрелась. Что-то промелькнуло в коридоре второго этажа. Раздался странный звук, словно маленькие босые ножки стучали по холодному ламинированному полу. Из дальней комнаты доносился смех.

Не отдавая себе отчёта в своих действиях, находясь под властью невидимых сил, Ева подошла к закрытой комнате. Всё внутри неё сжималось, воля сопротивлялась, но она открыла дверь и сделала шаг в неизвестность. Мрак ночи расступился, открывая взору нечто поистине страшное.

В комнате находилась она. «Неизвестная», абсолютно нагая, стояла вся в крови посередине спальни. В её животе зияла огромная дыра, её раны кровоточили. В немом молчании она тянула свои испачканные землёй и кровью руки.

Не в силах оторвать взгляда от «Неизвестной», всё ещё находясь в оцепенении, девушка краем глаза заметила что-то ещё. Мимолетное движение, еле различимый шорох. В комнате был кто-то ещё.

Из тени дальнего угла комнаты медленно приближалась невысокая фигура.

Абсолютная тишина, минута ожидания.

Ева не шевелилась, боясь, что от малейшего движения это нечто набросится на неё. Она ждала до тех пор, пока бледные, пробивающиеся сквозь занавешенные окна лучи луны не осветили лицо этой искорёженной фигуры. С ужасом в глазах Тайнова отшатнулась, она бы закричала, если бы смогла дышать. Как персонаж из фильма ужасов, существо передвигалось на руках, волоча по полу верхнюю часть своего окровавленного тела.

Теперь Ева видела, теперь она понимала, что на неё смотрит «Георгин». Эта девушка пыталась говорить, но из разорванного рта доносились только хриплые звуки искорёженной гортани.

Тайнова попятилась, но призрачные руки не отпускали! Не отпускали до тех пор, пока в голове не появились голоса. Голоса, которые разрывали всё её существо. Голоса, которые она была не в силах остановить:

– Останови его! Будут ещё!
– Ты должна помочь! Останови его!

Ева открыла глаза.

Будильник на телефоне. Сумрачное утро.

Взглянув на часы, Тайнова поняла, что спала всего час. Ночные кошмары и отсутствие нормального сна никак не помогли ей справиться с нарастающей болезнью. Нужно было собираться.

Ночью она всё же позвонила Астову, и он вяло согласился, что дело вышло из-под контроля. Поэтому сегодня в девять часов утра в следственном комитете в кабинете самого Астова собирались следователи, чтобы вершить судьбу города.

Усилив воли Тайнова зашла в ванную комнату.

Зеркала не врут, они никогда не врут. И сейчас своим безмолвным отражением зеркало показывало всё: красные опухшие глаза, бледное осунувшееся от болезни лицо, нервный тик и впавшие щёки. Ева больше походила на пациента психиатрической больницы, чем на человека, готового взять сложное дело.

«С этим нужно что-то делать, – рассматривая своё отражение, сокрушалась Тайнова. – У меня и так не лучшая репутация среди «мужей» комитета, но сегодня если я буду выглядеть так, то дело мне точно не отдадут. Какие у нас есть варианты?»

А варианты были настолько малы, насколько малы шансы вылечиться за три часа. Тайнова достала из аптечки все имеющиеся у неё лекарства: капли в глаза, в нос, антибиотики, жаропонижающие, болеутоляющие. Приняв все лекарства сразу, Ева запила их двумя литрами воды и чаем. Всё это помогло немного исправить внешний вид, но не внутреннюю боль, но Тайнова была готова к бою.

* * *

– По вам часы можно сверять, Ева Александровна, – со злорадной усмешкой произнёс Громов, когда она входила в кабинет начальника следственного управления.

Про себя Тайнова отметила, что никаких перемен в облике Громова не произошло: блестящая лысина, железный второй подбородок – всё было на месте.

– А вы все пришли раньше, как я посмотрю. Надеюсь, не для того, чтобы успеть обсудить меня.

– Это вышло совершенно случайно, Ева Александровна. Присаживайтесь, – вмешался в диалог Астов. – Не стоит с порога нападать на коллег.

– Кто-то умный давно заметил, что лучшая защита – это нападение, – натянув формальную улыбку, произнесла Ева. – Приветствую вас, господа. Все присутствующие уже ознакомились с некоторыми деталями дела, ради которого мы собрались?

Все синхронно кивнули.

Ещё только войдя в кабинет, Ева неприятно удивилась присутствию трёх неожиданных так называемых коллег: первый – помощник Астова, Юдин Анатолий Анатольевич. Не самая приятная личность. Изворотливый, ушлый, скользкий человек, но, чего нельзя было отрицать, энергичный и очень сообразительный. Внешне он походил на ужа и одновременно на деятеля финансовой сферы конца девятнадцатого века – это из-за круглых очков, больше похожих на пенсне.

Второй персонаж – старший следователь Адмиралтейского района города Панин Максим Олегович. Вот его-то Ева хотела здесь видеть меньше всего. Он всегда казался ей слишком высокомерным, хотя другие, не замечая этого качества, считали его уверенным в себе, харизматичным и дипломатичным человеком. В свои сорок лет он выглядел весьма хорошо: подтянутый крепкий мужчина среднего роста. Его волосы жгуче-чёрного цвета без намёка на

седину (хотя Тайнова была уверена, что он их красит) всегда безупречно уложены. Астов часто в неофициальных беседах с Евой говорил: «Твой талант скрестить с дипломатией и хладнокровием Панина, то ты таких успехов добилась бы уже!» В целом Максим Олегович слыл хорошим следователем, в его багаже немало громких раскрытых дел, но что-то неуловимое в этом человеке подсказывало Еве, что эти дела раскрывались не ради «торжества справедливости и закона», а ради «торжества Панина», ради хвалебных статей и репортажей, ради славы и признания. Конечно, можно сказать: «Не важно, какие цели преследует служитель закона, раскрывая дела, важно, чтобы раскрывал». Но не все преступления приносят славу и не все являются громкими, а если это так, то и заниматься ими, по мнению Панина, не стоит, ведь для этого есть более мелкие сошки. Панин сидел с лицом, преисполненным важности и сосредоточенности. И сейчас за этим столом он являлся самым опасным игроком для Евы. Она понимала, что он хочет взять дело, и она никак не могла позволить ему этого сделать.

Третьей неожиданностью стал Веркин. Следователь по тому же вверенному району, что и Ева. Что он тут делал, Тайнова совершенно не понимала.

Также в этом кабинете присутствовали уже знакомые Громов, Астахов и Зобов. Мысленно Ева порадовалась тому факту, что среди этой стаи врагов у неё всё же есть союзники.

– Я попросила Вениамина Викторовича провести это экстренное совещание по нескольким причинам: первая, – Тайнова разложила бумаги с материалами расследования перед собой на столе, – у нас три весьма жестоких и при этом весьма странных убийства. Вторая причина: я уверена, что эти убийства совершил один и тот же человек, что достаточно красноречиво говорит нам о появлении в городе нового маньяка.

– Ева Александровна, – присоединился к обсуждению Панин, – конечно, изучить вплотную материал нам пока не удалось, но то, что я смог понять из рассказов своих коллег: ни жертвы, ни способы убийств не указывают на почерк одного, скажем так, «убийцы». На данный момент практика действий серийных убийц достаточно широко изучена, и мы знаем, что удовлетворение данные личности получают от убийства определённого типа жертв или от определённых манипуляций с жертвами. А тут три разных почерка, хотя, не буду спорить, весьма необычных.

– Господин, Панин, я здесь именно для того, чтобы убедить вас в обратном. Сходства есть, – Ева достала заранее подготовленный беглый отчёт и протянула его Астахову. – Алексей Юрьевич, передайте, пожалуйста, это Виктору Вениаминовичу. А это вам, – Тайнова раздала копии документа сидящим за столом мужчинам. – Я выделила два сходства среди жертв, но начну не с первого, а со второго. Итак, второе, что бросается в глаза, – это постановочная театральность, которую преследовал убийца, оставляя тела жертв на местах их обнаружения. «Моя» жертва, назовем её «Неизвестная», была обнаружена в посадках кустарника недалеко от католического храма, с одной стороны, это место плохо просматриваемое, но с другой – достаточно посещаемое прихожанами церкви. Это даёт мне право сделать вывод, что убийца хочет, чтобы тело обнаружили, но не хочет, чтобы это произошло сразу, по понятным нам причинам. То же наблюдается и в случае других жертв. Оба места – это пустыри, хотя там часто гуляют люди со своими домашними питомцами либо проходят, срезая путь домой. Теперь обратим внимание на характер расположения самих тел: «Неизвестная» лежала на животе, её голова располагалась на аккуратно сложенных вещах самой девушки. Убийца не просто выкидывает тело, наоборот, он проводит ряд манипуляций, чтобы расположить тело девушки как можно удобнее и красивее с точки зрения его большой психики. Господин Громов, я так понимаю, что в вашем случае было нечто похожее?

– Да, – Илья Сергеевич откашлялся. – Жертва была полностью нагой, расчленена и напоминала разобранный куклу. Каждая конечность, а также голова располагались на расстоянии пяти сантиметров от туловища, само туловище расчленено пополам, каждая часть которого также находилась на расстоянии пяти сантиметров друг от друга.

Ева уже открыла рот, чтобы задать этот же вопрос Астахову, но тот её опередил:

– В моём случае трудно сказать, что мы обнаружили именно тело. Его-то как раз мы сейчас ищем, но если отталкиваться от такой точки зрения, то по предварительным показаниям свидетельницы банка с, кхм, рагу стояла на камне, что и привлекло её внимание.

– Это всё интересно и, повторюсь, нетипично, – вмешался Панин, – но определённо, для того чтобы связать дела, нужно что-то большее. Вы согласны, Виктор Вениаминович?

Астов выглядел весьма обеспокоенным, раз за разом перелистывая страницы отчёта. Он никак не отреагировал на заданный ему вопрос, а лишь глухо произнёс:

– Продолжайте.

– Максим Олегович, – обратилась Тайнова к Панину, – вот вы, уважаемый следователь города, да что там города, страны! Скажите, пожалуйста, после тяжёлых будней раскрытия преступлений в свободные вечера или выходные дни вы, случайно, не занимаетесь изучением биографий известных маньяков прошлого?

– Нет, всё это я успеваю делать на работе, – широко улыбаясь, ответил Панин. – Обычно я стараюсь проводить больше времени с семьёй. А к чему вы клоните?

– И кого вы изучали? Можете назвать их фамилии?

– Чикатило, Сливко, Головкин.

– А из иностранных?

– Я не понимаю, к чему этот диалог? – заметно нервничая, но всё же достаточно спокойно парировал Панин.

– Вы хотите больше доказательств, я вас к этому подвожу. Первая жертва – «Неизвестная» – её ранения... – не успела договорить Тайнова, как её прервал Громов:

– Всё же не первая, если мы рассматриваем эти убийства в рамках одного дела, а вторая. «Моя» жертва, судя по данным экспертизы и степени разложения тела, была убита раньше, просто обнаружили её позже.

Тайнова с изумлением посмотрела на Громова.

– Вы мне не говорили об этом раньше.

– И не должен был. Это конфиденциальная информация, рассказывать обо всех тонкостях расследования я не имею права, или, наоборот, имею право не рассказывать даже вам! – на два последних слова Громов сделал недвусмысленное ударение, как бы намекая на «особое» положение Евы. – Пока дела не объединены, я вообще мог ничего не рассказывать. Тем более всегда есть вероятность того, что вы, госпожа Тайнова, слетите с катушек и будете совать свой нос туда, куда не стоит. Как бывало раньше, – Громов попытался представить свою последнюю реплику в виде шутки, но ему это плохо удалось.

– Хорошо, – Тайнова уже представила, как заталкивает чашку из-под кофе ему в гортань, но внешне старалась оставаться хладнокровной. – Первая жертва, почерк – «Чёрный георгин» – убийство девушки в окрестностях Лос-Анджелеса в 1947 году, – Ева кинула на стол несколько распечатанных фотографий. – Что-то напоминает, правда? Вторая жертва, почерк – «Хирург» – серия убийств девушек в 1987 году также в Америке. Также что-то напоминает. Следом дело некоего Фиша, серийного маньяка-каннибала, который расчленил, приготовил рагу и съел нескольких подростков. Три дела, три жертвы, убитые тем же способом, что жертвы прошлого. Вы всё ещё считаете, что это банальные совпадения? По вашей логике, уважаемые коллеги, у нас три разных убийцы, только один любит расчленять, второй – резать и насиловать мёртвые тела, а третий – готовить рагу из отрезанных рук, и всё это в одно время. Да у нас не культурная столица, а столица садистов!

Тайнова хотела продолжить свою тираду, как совершенно случайно в этот самый момент наткнулась на пронизывающий взгляд из-под сверкающих линз очков главного помощника. Она поняла, что незаметно для себя почти перешла на крик, а сейчас никак нельзя допускать,

чтобы хоть кто-то, а особенно Астов, усомнился в эмоционально-психическом здоровье Евы и, как следствие, в её способности взять это дело.

– Ева Александровна, – спокойным ровным тоном, чеканя каждое слово, произнёс Юдин, – с вами всё в порядке? Вы кажетесь больной. Такое ощущение, что...

– Со мной всё хорошо.

– Вы слишком эмоциональны сегодня. Я бы даже сказал, излишне эмоциональны.

– Приношу свои извинения. У вас будут вопросы?

– Действительно, Ева Александровна достаточно ясно выразила своё мнение по данному вопросу. Я думаю, нам стоит обсудить, как действовать в сложившейся ситуации. Итак, ваши мнения, коллеги.

Первым заговорил, естественно, Громов:

– Моё мнение, уж извините меня за прямолинейность, но это бред. Вот как всё это вижу я. Случай с рукой в банке – это банальная бытовуха: два запойника не поделили последнюю бутылку водки, и один из них зарезал другого, а когда осознал, что натворил, то расчленил труп и запихал части тела во всё, что было под рукой, в том числе в банку с закуской, а именно с рагу, и растащил всё по разным частям города. Случай с «Неизвестной» – банальное изнасилование, а все последующие манипуляции – это попытка запутать расследование. Ну а моя клиентка явно имеет какой-то религиозно-сатанинский подтекст. Я склоняюсь к причастности к этому делу группы лиц, возможно, у нас появилась новая секта. А то, что вы говорите, уж простите, явно притянута за уши. Соглашусь-ка я с Юдиным. Вы, Ева Александровна, маниакально настроены и явно не здоровы. Виктор Вениаминович, я категорично против. Если мы примем решение действовать в одном ключе и будем искать одного человека, то можем окончательно запутаться, а трое преступников будут безнаказанно разгуливать по улицам города.

– Я вас услышал, Громов. А вы что скажете, Анатолий Анатольевич? – линзы Юдина зловеще сверкнули.

– Я поддержу Илью Сергеевича. Всё слишком, как это получше сказать, вычурно. Получается, что мы имеем дело с человеком, подробно изучающим автобиографии зарубежных маньяков или нераскрытые убийства и потом совершающим эти убийства по той же самой схеме. Каков его посыл? Что он от этого получает? Уж точно не сексуальное удовлетворение, как я понял, только одна девушка была изнасилована, а третья жертва – вообще мужчина. Тогда зачем он изнасиловал эту девушку? Я считаю, что на данный момент нужно сосредоточиться и искать трёх разных лиц. Но, как бы прагматично и ужасно это ни звучало, необходимо ждать четвертую жертву, возможно, тогда всё станет ясно. Таков мой ответ.

Всё это время Тайнова с ироничной улыбкой смотрела на говорящих коллег, и чувство всепоглощающего отвращения к этим людям всё больше овладевало её существом.

– А я думаю, что ничего не нужно ждать, необходимо действовать. Это серийник. Ева Александровна не успела упомянуть одну деталь. Все три места обнаружения тел не являются местами преступлений. И это немаловажная деталь – это ещё одно звено в связке этих дел... Зачем насильнику, как вы сказали, – кивком головы указывая на Громова, продолжил Астахов, – насиловать в одном месте, а потом перетаскивать труп? Это уже не банальное изнасилование, опять же, как вы выразились, Илья Сергеевич. И где улики, где ДНК, где выделения? У меня на банке нет ни одного отпечатка пальцев, ни одного! Кроме отпечатков свидетельницы. А у вас, Илья Сергеевич?

Громов решил воздержаться от ответа.

– Я полностью поддерживаю Тайнову, – попытожил Астахов.

– А вы что скажете, Зобов Денис Владимирович? Насколько я знаю, вы первым прибыли на место.

– Да, Виктор Вениаминович. Правда, когда я увидел руку в рагу, первым делом подумал о Спесивцеве, который вместе со своей матерью и сестрой скармливали своих жертв собакам, но и Фиш тоже подходит. Думаю, Ева Александровна права.

– Ну, надо же, два голоса за, два – против, – улыбнулся Панин. – Чувствую себя вершителем судеб. Извините меня за мою фамильярность, но слишком уж накалилась атмосфера. Всё это дело пока выстраивается на предположениях и совпадениях. Конечно, не хватает точной криминалистической идентификации, но... – Панин выдержал паузу, – но, смотря с вершины своего опыта в работе следственного управления, я осознал одно: когда слишком много совпадений, это уже не совпадения – это истина. Да, возможно, у нас новый и достаточно неординарный серийный убийца. Но последнее слово за вами, генерал Астов.

Астов сделал глубокий вдох и такой же глубокий выдох. Ещё раз пролистал отчёт, постукивал пальцами по столу и затем водрузил свой тяжёлый взгляд на Еву.

– Я так понимаю, Ева Александровна, вы хотите вести это дело.

– Я хочу вести это дело и лично составить СОГ.

– Ну, естественно! – вскричал Громов, ударяя ладонями по коленям. – Тайнова хочет лично составить СОГ.

– Не волнуйтесь, Громов, вас в ней не будет, – парировала Ева.

– Коллеги, успокойтесь, – с присущей дипломатичностью прервал начинающийся спарринг Панин. – Мы ещё не определили, в каком направлении двигаться, а уже делим место гида. Давайте позволим договорить Виктору Вениаминовичу.

– Ну что же. Возможно, это будет ошибкой, но мы будем расследовать данные случаи в рамках одного дела. Ищем лицо или группу лиц, которому или которым инкриминируются убийства трёх человек. Ответственным за расследование назначается старший следователь Тайнова Ева Александровна и...

– Извините, что перебиваю, но вы уверены, что у капитана Тайновой достаточно опыта, чтобы вести столь сложное дело? Просто её возраст говорит об обратном.

– Майор Панин, о моём опыте говорит мой послужной список, а не мой возраст.

– Кстати, о послужном списке. У меня есть интересная информация, – Панин достал из своего кейса жёлтую папку, – где говорится о некоем Фролове Андрее, который был задержан за избиение и изнасилование нескольких девушек. Данный подозреваемый обвинял оперуполномоченного Тайнову Еву Александровну в избиении и причинении ему тяжких телесных повреждений. Цитирую: сломан нос, челюсть и два ребра. Это даёт мне право полагать, что вы, Ева Александровна, эмоционально не стабильная личность, и мы не можем так рисковать в этом сложном деле.

– Господин Панин, а вы, видимо, не умеете читать. В этом вашем досье, случайно, не написано, что задержанный Фролов в дальнейшем отказался от всех своих обвинений и письменно подтвердил, что свои многочисленные травмы он получил вследствие неудачного падения? Его объяснительная была запротоколирована и приобщена к делу. А касаясь опыта, то в вашем случае его предостаточно только в общении с журналистами, чем, я надеюсь, в дальнейшем вы и будете заниматься, если потребуется, – Ева спародировала улыбку Панина и села на стул.

– Дело будет вести Ева Александровна. Вся новая информация по данному вопросу должна незамедлительно поступать к ней. Капитан Тайнова, вы можете привлечь к расследованию этого дела всех необходимых людей. А сейчас я вынужден вас оставить. Если у вас остались вопросы для обсуждения, вы можете воспользоваться моим кабинетом, но не задерживайтесь.

Астов встал из-за стола, вслед за ним поднялись и остальные, и, когда поравнялся с Паниным, добавил:

– А вы, подполковник Панин, проявляйте больше рвения в раскапывании дел, нежели в подкопах под своих коллег, – Астов похлопал коллегу по плечу и вышел из кабинета.

Когда входная дверь в кабинет захлопнулась, разговор начала Тайнова:

– Веркин, вы свободны.

– Слава богу! Я вообще не понял, какого хера я тут делал.

– Алексей Юрьевич, вы готовы заниматься этим расследованием?

– Конечно. Поиск тела уже идёт. Буду тормозить криминалистов с экспертизой. Как только получу хоть какую-то новую информацию, я вам сообщу.

– Денис Владимирович, я очень ценю вас как сотрудника полиции и ваш талант.

– Вы можете на меня рассчитывать.

– Громов, я хотела бы, чтобы вы передали все материалы по делу «Георгин» мне и следователю Голове. По вашему делу будет работать он.

Громов еле заметно кивнул и покинул кабинет, не произнеся больше ни слова.

– Если, капитан, вам понадобится помощь от меня или от моего отдела, то я назначу следователя Коровина. Удачи, – Панин собрал все бумаги со стола и последовал вслед за Громовым.

– Зобов, будь сегодня и все последующие дни на связи, а пока разошли ориентировку.

– На кого?

– Не на кого, а на что. Разошли информацию, чтобы про все необычные случаи убийств, изнасилований и так далее незамедлительно сообщали мне. Оставь мой номер телефона. Звонить в любое время суток. И как бы слова Юдина ни были ужасны, но, чтобы сдвинуться с мёртвой точки, нам действительно нужен новый труп.

И он не заставил себя долго ждать...

Отголоски прошлого

Чикаго, 1978 год

– Впервые вижу настолько грустного человека в процессе поедания пончика.

Из грустных размышлений о событиях предстоящего вечера девушку вывел незнакомый мужской голос. Она подняла голову и посмотрела на человека, лицо которого ей никак не удавалось рассмотреть из-за жгучих лучей весеннего солнца.

– Мы знакомы?

– Пока нет, но это можно исправить. Я Питер, – молодой человек присел на лавочку рядом с печальной незнакомкой.

Теперь она могла хорошо его рассмотреть: светлые волосы, аккуратно уложенные в причёску, соответствующую современным тенденциям моды. На худощавом лице расположились широкие брови, которые громоздко нависали над голубыми глазами, и тонкие губы, расплывающиеся в белоснежной улыбке. Но самой отличительной чертой этого лица, которая сразу бросилась в глаза, были чёрные, ярко выраженные круги под глазами.

Девушка совсем не планировала заводить новых друзей и тем более с кем-либо флиртовать, но беседа с незнакомцем ей казалась лучшей альтернативой, чем убийственная дорога домой. И выбор был сделан незамедлительно.

– Я Надя. Очень приятно.

– Ого. Не ожидал. Интересное, необычное имя, как и акцент.

– Для вас необычное, для страны, где я родилась, вполне обычное.

– И что это за страна?

– Угадайте.

– Я не силён в таких шарадах, вот поймать и обезвредить преступника – это я запросто, а подобные загадки не для меня.

– Тогда, я думаю, это не важно. Или важно?

– Говоришь как шпионка из Советского Союза. Ах-ха-ха, – парень рассмеялся над собственной шуткой, и Надя в ответ слегка скривила уголок своих пухлых губ, изображая улыбку, лишь для того чтобы казаться вежливой.

– Не шпионка.

– Так вот почему грустная, потому что не шпионка?

– Потому что провалила контрольную по химии. Вторая пересдача была, вторая и последняя.

– Брось, из-за этого? Всего лишь? На химии жизнь не заканчивается!

– Для тебя, может, и не заканчивается, но если твой папа – гениальный ученый всё из того же Советского Союза, и Соединённые Штаты Америки сделали многое, чтобы перевести его сюда работать, то заканчивается. Очень даже заканчивается.

Мужчина изумлённо смотрел на свою собеседницу, не решаясь проронить больше ни звука. Надя привыкла к такой реакции всех своих знакомых, когда они узнавали, из какой страны она приехала, и знала, что дальше всё будет происходить по двум вероятным сценариям: первый – человек вежливо улыбнётся, скрывая отвращение к ней и ко всему Советскому Союзу, скажет «понятно» и больше никогда с ней не заговорит, или второй сценарий – воодушевится и будет до потери пульса расспрашивать всё про агрессивную, по его мнению, страну с её ядерными ракетами, огромными медведями, постоянным холодом и водкой. Надя была готова к этому и ждала, когда оцепенение нового знакомого пройдёт.

– Да я счастливчик! Познакомился с дочкой гениального безумного профессора. Твой отец как Лекс Лютор или что-то вроде того? – девушка не знала, кто такой Лекс Лютор, и теперь боялась выглядеть глупой в глазах парня, который всё больше и больше нравился ей.

Она смущённо улыбнулась и отвела взгляд. Повисло неловкое молчание, которое длилось целую вечность, целых пять секунд.

– Ну, рад был познакомиться. Мне пора. А ты не грусти, всё же химия – это не вся жизнь.

Молодой человек поспешно встал с лавочки и, не сказав больше ни слова, неспешно побрёл на другую сторону улицы.

«Не очень-то и хотелось, – раздосадованно думала девушка, смотря вслед Питеру. – Молодец, Надя, так держать. В следующий раз не здоровайся, а с ходу говори, что родилась в СССР, так хоть избежишь бесполовых разговоров и заодно умрёшь старой девой. Да что за день сегодня такой?!»

Надя выкинула недоеденный пончик и угрюмо побрела домой. Она знала, что скажет отец с грозным выражением лица и нескрываемой злобой в глазах: «Я знал, что ты бестолочь, вот был бы жив Петя. Вот он бы...» Дальше он никогда не договаривал, просто уходил к себе в кабинет, где он проводил всё своё свободное от работы время. А мама подойдёт, погладит по голове с выражением на лице «в следующий раз всё получится». А ничего в следующий раз не получится. Наука никогда не интересовала Надю, никогда не поддавалась ей. Как же ей опостылела вся эта учеба и эта жизнь.

* * *

На следующий день после учебы Надя всё же решила нормально поесть пончиков на любимой скамейке под греющими лучами солнца. Она спешила попасть в кафе до четырёх часов, так как обычно после четырёх её любимых пончиков уже не оставалось. Она хоть и была сладкоежкой, но сладкоежкой разборчивой. Все подряд сладости не ела, считая себя своеобразным гурманом в мире выпечки. Это пристрастие сказывалось на её фигуре, но ей было всё равно, она не собиралась отказывать себе в маленьких и таких любимых радостях.

К счастью, в кафе почти не было людей. В очереди стояло всего два человека, и они оба заказывали американо без кофеина.

– Мне два пончика с вишнёвой глазурью, – протягивая несколько долларов кассиру, сказала Надя.

– Сегодня ты не успела. Последние пончики пару минут назад купил весьма симпатичный парень, – подмигнув девушке, сказала мама Джо, пятидесятилетняя добродушная леди с хитрыми глазами. Эта была хозяйка кафе, собственно, кафе и называлось «Мама Джо». – А тебя, случайно, не Надя зовут?

Девушка удивилась, несмотря на то что она была постоянным гостем этого кафе и хорошо знала весь персонал, но своего имени она никогда не называла да и ни с кем особо не разговаривала.

– Да. А как вы узнали?

– Мне сказал тот самый молодой человек и ещё попросил, чтобы я тебе передала, когда ты придёшь, что он ждёт тебя на вашей лавочке с грустными пончиками. На твоём месте я бы пошла на встречу, – в очередной раз подмигнув, игриво дала свой совет хозяйка кафе.

Сердце бешено застучало в груди. Надя, конечно, старалась взять себя в руки, но самообладание напрочь покинуло её. По пути к лавочке она несколько раз поправила свою густую косу, в колледже над ней часто смеялись из-за причёски, но отец не разрешал ей носить другую. Она увидела на скамейке знакомого парня, только в этот раз в его одежде было нечто странное, издали из-за плохого зрения она не смогла рассмотреть, что именно. Было похоже, что он одет в какую-то форму, и, только подойдя ближе, она поняла, что это форма полицейского.

– Привет, Надя! Рад, что ты пришла. Я купил твои любимые пончики.

– Здравствуйте. А как вы узнали, что они мои любимые?

– Ты же их вчера ела, а люди обычно едят то, что им нравится.

– Спасибо, – принимая из рук Питера пончик, застенчиво произнесла Надя. – Я могу есть?

– О, конечно, конечно! Да, джентльмен из меня отвратительный.

– Я думала, что после вчерашней беседы мы больше никогда не увидимся, ты так поспешно ушёл.

– Я подумал, что если твой отец тебя всё-таки убьёт, то меня будут допрашивать как свидетеля, а я не хотел в этом участвовать, – снова смеясь над собственной шуткой, сказал Питер. – Но так как ты всё ещё жива и опасность миновала, я решил продолжить общение. Так ты учишься в колледже?

– Да, в Колумбийском. А ты полицейский?

– С чего ты взяла? – Надя вопросительно смотрела на Питера. – А, ты про форму? Да это сценический костюм, как раз иду на девичник. Я стриптизёр, – Надя продолжала недоумевающе смотреть на парня, не зная, как реагировать на его слова. – Я несу чушь. Извини. Всегда так себя веду, когда нервничаю. Да. Я полицейский. Уже несколько лет как закончил полицейскую академию и служу на благо родины. А Колумбийский колледж – это очень круто!

– Наверное. Круто для моих родителей, но я не этого хотела.

– А чего?

Ответить на этот вопрос девушка не могла. Она сама не знала, чего хотела, но точно не этого. Надя решила мягко сменить тему разговора:

– А тебя не смущает, что мои родители – выходцы из страны, с которой ведётся холодная война?

– Пусть это смущает политиков и руководителей моей страны. Здесь демократия, и все имеют равные права, то есть, понимаешь, здесь все равны. Я наоборот рад, что твой отец решил трудиться на благо моей страны. То есть, понимаешь, он нам помогает, и я благодарен, тем более я благодарен ему за такую красивую дочь.

– Спасибо, – пухлые щёки постепенно покрывал багровый румянец. Ей редко делали комплименты представители противоположного пола, а этот парень обладал какой-то всепоглощающей харизмой. Он не был красавцем, и чёрные круги под глазами даже немного пугали, но он был слишком обаятельным, чтобы обращать внимание на изъяны. – А тебе разве можно уходить с поста?

– По секрету скажу: нельзя, но меня прикрывает напарник. И мне уже пора бежать, как ты смотришь на то, чтобы мы вечером встретились и погуляли где-нибудь?

– Это невозможно, – не веря своим ушам, сказала Надя. Эти слова вырвались на автомате, и теперь она стремительно пыталась всё исправить. – То есть я очень бы хотела, но у меня очень строгий отец. Он не отпустит меня с незнакомым парнем.

– Нет проблемы. Скажи мне, где ты живёшь, и я отпрошу тебя у твоего папы, мамы, брата, да у кого угодно.

– Ты готов познакомиться с родителями на первом свидании... То есть если это свидание... Нет... Я хотела сказать... Ты хочешь отпросить меня?

– Это нормально, что отец боится отпустить свою дочь с незнакомцем в огромном городе. Я просто приду, представлюсь, я не собираюсь ужинать у вас или ещё что.

– Думаю, это может сработать, особенно если ты с порога скажешь, что полицейский.

– Значит, стоит испытать удачу. Так ты скажешь мне, где живёшь?

Глава 6. Собрать всё воедино

Неоднозначная победа. Хотя в жизни всё неоднозначно: для одного приз, для другого проигрыш, для одного жизнь, для другого смерть. Всегда кто-то стоит на вершине мира, вымощенной на костях менее удачливых. И что тому виной? Да, жизнь слишком случайна. Мы можем думать, что контролируем её, но это фальшь. Фальшь, навязанная нам с раннего детства нашим же окружением.

Тайнова шла к машине, на ходу набирая номер телефона Левина, она понимала, что лучше сейчас поехать к себе в кабинет и разложить по полочкам всю вновь полученную информацию, но время слишком торопило её. Ей для начала хотелось закрыть все вопросы со священником этой несчастной церкви, где по воле злого случая обнаружили тело девушки.

Левин долго не решался брать трубку, и Ева понимала, почему. Она твёрдо знала, что он вчера так окончательно и не допросил отца Брендана.

Наконец на том конце воображаемого провода раздался недовольный голос Чекушки.

– Привет, это Тайнова.

– Привет. Слушай, я пытался вчера его допросить, но у них там сабантуй начался, что-то типа проповеди, не знаю, как у них это там называется, так что я... – Ева не дала ему договорить:

– Забудь. Тот список, о котором я тебя вчера просила, ещё у тебя?

– Нет. Мне его не дали. Я же говорил.

– Понятно. Больше не буду тебя отвлекать.

– Так от меня больше ничего не требуется?

– Нет. Спасибо. Пока.

Тайнова надеялась застать священника на месте без лишних ушей. Она гнала на своей скромной машине по магистрали города. Мысли блуждали среди гор новой информации, пытаясь зацепиться за хотя бы одну существенную деталь, но, не находя её, снова рассыпались, перемешивались в бесформенную грудку отдельных событий. Сказывалось и физическое состояние: болезнь, бессонница, бесконечная абсолютная усталость.

«Нужно не забыть составить список обязательных дел и записать их в блокнот на телефоне. Если он не будет мне напоминать о еде и приеме лекарств, то я точно схохну уже завтра вечером».

С этими мыслями она подъезжала к церкви.

На сей раз ей сопутствовала удача. Она заметила священника на подходе к главным воротам и поспешила окликнуть его:

– Отец Брендан?!

Мужчина в характерном для католического священника наряде обернулся на голос. По направлению к нему бежала знакомая девушка, ему казалось, что после их последней встречи она выглядела ещё более худой и осунувшейся. Подождав, пока девушка поравняется с ним, он доброжелательно ответил:

– Следователь Тайнова, насколько я помню? Рад вас видеть... Снова.

– Здравствуйте. Взаимно.

– К нам приходил ваш коллега. Я не против, но долго ещё я буду подвергаться допросам?

– Пока мы не раскроем убийство девушки, чей труп был найден неподалеку. Мы выяснили, кто она такая, – Ева достала из кармана фотоснимок девочки и протянула священнику. – Вы знаете эту девушку? Её зовут Иванова Олеся Константиновна, – священник внимательно рассмотрел фото и отрицательно покачал головой. – А её имя, может, вам кто-нибудь о ней рассказывал или упоминал на исповеди?

– Я понимаю, к чему вы клоните. Но тайна исповеди на то и существует, чтобы оставаться тайной.

– Серьёзно? Даже если этот человек – серийный убийца, наслаждающийся агонией своих жертв? Даже если он будет продолжать убивать женщин, детей?

– Остановитесь. Я всё понял. В таких случаях бывают некоторые исключения из правил, и я бы помог вам, но я действительно ничего не слышал об этой девочке.

– Тогда давайте поговорим ещё кое о чём.

– Конечно. Пройдёмте в церковь.

– Нет. Лучше погуляем вокруг.

– Почему?

– Боюсь, что начну разговаривать на латыни и извиваться в неестественных позах.

Священнику не понравился юмор следователя, но он решил не придавать этому значения.

– Хорошо. Можем и прогуляться, тем более что всевышний Отец сегодня подарил нам хорошую погоду.

– Передавайте ему как-нибудь от меня спасибо. Вчера мой коллега хотел взять у вас список всех зарегистрированных прихожан церкви. Хочу заметить, что он достаточно большой. Скажите, среди них вы могли бы вспомнить кого-нибудь особенного, выделяющегося? Скажем, он слишком яростный последователь, всегда возбуждённо ведёт себя на проповедях или после них, хочет показаться самым истинно верующим. Или наоборот, слишком тихий, никогда не смотрит в глаза людям, приходит позже всех и уходит раньше всех. Иногда приходит просто посидеть, но когда видит вас, то старается сразу уйти. Он может быть слишком застенчив, неопрятно одет или даже грязным. Не припоминаете?

– Из постоянных прихожан неопрятных и особо застенчивых нет. Все общаются между собой. Есть и такого рода люди, но они редкие гости, в основном бродяги. Заходят погреться. Из яростных, как вы сказали, последователей есть три человека. Один раз мне даже пришлось сделать им замечание, так как они начали ругаться и спорить, как правильнее интерпретировать одно из посланий от Матфея, но они женщины. Вы думаете, это могла сделать женщина?

– Мы не исключаем никаких вариантов, пока не доказано обратное. Хорошо. Давайте поговорим не о прихожанах. Допустим, вы могли видеть у церкви странного человека, он мог долго стоять вблизи, смотреть на церковь и не решаться зайти.

– Таких очень много. Понимаете, иногда люди боятся открыться Богу и церкви. Они хотят приблизиться к нам, их душа готова принять доброту и истинный свет, но их внутренние оковы самообмана и разума не дают им сделать этот шаг. И ещё мы живём в православной стране, и многие думают, что прийти в католическую церковь – это неправильно, но это только от незнания.

– Отец Брендан, – Ева запнулась. – Кстати, у вас интересное имя. Вы его приняли, когда стали католическим священником? Так как оно уж точно не русское.

– Нет. Я его получил с рождения. Мои родители тоже католики, они приехали сюда из Англии. Отцу предложили здесь работу, от которой он не смог отказаться. Потом перевёз свою жену, и уже здесь через несколько лет родились я и мой брат. И, если честно, я влюблён в эту страну и в этот город, думаю, это судьба.

– Интересная история. А ваш брат разделяет эту любовь?

– Он переехал обратно в Англию.

– Отец Брендан, иногда наше подсознание играет с нами в интересные игры. Оно может говорить нам намного больше, чем мы можем понять. Может посылать нам сигналы, которые мы не в состоянии верно расшифровать. Это что-то вроде интуиции или шестого чувства. Иногда мы можем общаться с человеком, внешне вполне привлекательным, но что-то внутри нас вызывает тревогу и говорит нам об опасности. Подумайте, у вас никто не вызывал таких

чувств? Не обязательно сегодня или вчера и даже не в этом году. Постарайтесь вспомнить, может, года два-три назад вы кого-то встречали?

– Ох. Это слишком сложно, я даже не знаю...

– Не торопитесь. Подумайте. Подышите свежим воздухом и не обращайтесь на меня внимания. Давайте просто пройдемся.

Несколько минут священник шёл рядом с Евой, не говоря ни слова. Он полностью погрузился в свои мысли, нахмутив наполовину седые брови. Седина полностью покрывала и волосы на его голове, что выглядело весьма странно, так как священник казался ещё вполне молодым человеком для седых волос, не старше сорока лет. Отец Брендан обладал внушительным ростом и, как часто бывает у высоких людей, слегка сутулился. Он казался худым, но точно сказать что-либо о его фигуре было весьма сложно из-за рясы. Затем он резко остановился и изумлённо взглянул на Тайнову.

– Это так странно. Я совсем забыл о том случае. Только это было давно, года три назад, может, больше. Я, как обычно, был в церкви. И вдруг увидел, что около ворот стоит мужчина спиной ко входу. Стоит очень странно, как в оцепенении, не шевелится. Я решил подойти, возможно, ему требовалась помощь. Но не успел я поравняться с ним, как он что-то сказал и плюнул на пол, а потом ушёл. Я не видел его лица, только спину. Он был в костюме коричневого цвета, высокий, крепкого телосложения. Но это всё, что я помню.

– А что именно вас насторожило? То, что он сказал?

– Скорее, что он плюнул. Это было сделано с такой ненавистью, выглядело так, словно этим действием он пытался выразить весь свой гнев. Как при ссорах люди иногда плюют, дабы показать, насколько они презирают обидчика. Не знаю, как объяснить.

– А что он сказал?

– Я точно помню слово «способ». Я был далеко, а он говорил почти шёпотом. Как бы про себя. То ли «найду способ» и потом ещё несколько слов, то ли «нашёл способ». Но слово «способ» он точно произнёс. Но больше ничего, он быстро ушёл, а я через несколько дней и вовсе забыл про этот случай, и, если честно, не знаю, почему вспомнил сейчас.

– Спасибо. Это, возможно, поможет нам в будущем. Если вы увидите этого человека ещё раз здесь, незамедлительно позвоните мне, – Ева протянула священнику свою визитку. – И если среди прихожан или новых лиц вы заметите кого-то подозрительного, тоже звоните. Запомните: это может спасти жизни ни в чём не повинных людей.

– Хорошо, – священник принял из рук следователя карточку и внимательно посмотрел на неё, словно пытаясь запомнить номер.

– И ещё одно. Мне нужен список всех прихожан вашей церкви.

– Я уже говорил вашему коллеге, что чаще всего люди приходят сюда инкогнито. Они не обязаны говорить свои имена. Я могу дать вам список постоянных прихожан. Но это ничего вам не даст. В них я уверен.

– Вы всё-таки составьте список. И как можно скорее.

* * *

– Ева Александровна, – кричала вслед Тайновой Татьяна, пытаясь нагнать её в коридоре, – вам невозможно дозвониться.

– Говори, что случилось.

– Вам несколько раз звонил следователь Голова.

– А почему не перезвонил мне на мобильный?

– Он звонил, но говорит, что вы его выключили или он был недоступен.

– Этого не может быть, – Ева достала телефон из кармана плаща. – Батарейка села. Он оставил свой номер телефона?

- Да, вот, – Таня протянула Тайновой розовый листок с цифрами.
  - Спасибо, – пробормотала Ева, открывая дверь своего кабинета. – Таня, а где карта? Девушка занервничала и с опаской поглядывала на следователя.
  - Таня, не смотри на меня как на единорога. Где карта?
  - Какая карта, Ева Александровна?
  - Которая висела у меня на стене, вот здесь. Такая большая.
  - Такая разорванная и исписанная?
  - Она самая.
  - Я её выкинула.
  - А зачем?
  - Вы меня попросили её снять и выкинуть полгода назад.
  - Я на тот момент была вменяема?
  - Не знаю. По вам обычно это сложно определить.
  - Мне нужна новая, такая же большая.
  - Хорошо, я закажу в канцелярии.
  - Нет. Её принесут через год. Возьми деньги и сходи купи, потом сможешь мне повесить.
  - Хорошо, – Таня взяла деньги и положила в карман своих узких брюк. – А как срочно это нужно сделать?
  - Пять минут назад.
  - Поняла.
  - И купи ещё канцелярские гвозди и красную тонкую ленту.
  - Так точно, капитан.
- Тайнова не слышала последних слов своей помощницы, она уже набирала номер телефона следователя Головы:
- Здравствуйте, Голова.
  - Здравствуйте. Долго я ждал звонка. Я назначен следователем по делу «Георгин», хотел передать вам всю имеющуюся информацию, но сейчас я уже еду на опознание тела жертвы. Сегодня прибыли её родители из Москвы. Вы хотите присутствовать?
  - Родители? Вы опознали личность жертвы?
  - Да. Я хотел вам заранее всё рассказать, но сейчас я уже на полпути в морг.
  - Через сколько назначено опознание?
  - Через двадцать минут.
  - О боги, – Ева нервно вздохнула и покачала головой. – Я не успею. Буду через час в вашем отделении. Прошу, не начинайте с ними беседовать без меня. И очень прошу, будьте пожеливее, я не хочу, чтобы они думали, что едут на допрос.
  - Хорошо. Я постараюсь. Ева Александровна, но вам нет необходимости ехать к нам в отделение, я могу привезти родителей жертвы к вам.
  - Знаете что? Ваша фамилия вам подходит. Везите их сюда сразу после опознания тела.
- Ева отключила связь и откинулась на спинку стула, пытаясь вспомнить про важное дело, о котором она сегодня забыла.
- «Я ехала в машине и думала об этом. Нужно будет сделать что? Что-то важное? Я думала о том, чтобы не умереть и... Точно! Нужно поставить уведомления в ежедневнике на приём лекарств и пищи. Надо выпить антибиотики».
- Но в планы в очередной раз вмешался телефонный звонок.
- Слушаю тебя, Зобов!
  - Капитан Тайнова, у меня для вас хорошие новости. Мы нашли прекрасный вздутый труп, он печально плавал по одному из каналов.

– Здорово, – печально ответила Ева. – Надо не забыть купить по данному случаю праздничный торт.

– Я знал, что вам понравится. Предполагаем, что это наш клиент. У него отсутствует кисть правой руки, но проблемы в том, что тело слишком долго находилось в воде и опознание может затянуться. Сейчас буду пробивать по базам пропавших за последнее время мужчин в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, может, удача мне улыбнется. «Патолог» тоже обещал потрудиться. Буду держать в курсе дела.

– А что там со свидетелем?

– Она в шоке. Ещё раз повторила в точности всё, что говорила до этого. Пока у нас тупик. Будем надеяться на нашего пловца.

– До связи.

Тайнова подошла к пока ещё пустой доске и с грустью подумала о том, сколько на этот раз фотографий убитых девушек, детей, мужчин будет здесь висеть.

– Сколько бы ни было, это всё равно слишком много. Но любому действию есть противодействие. Верно, Альберт Эйнштейн? – вслух произнесла девушка и повесила три первых фотографии.

– Итак, что мы имеем. Олеся, сбежавшая из детдома. Есть два предположительных варианта развития событий, приведших к твоей смерти. Первый: ты хотела встретиться со своим убийцей. Ты его знала, доверяла ему и поэтому абсолютно спокойно ушла с ним туда, где впоследствии он тебя убил. Второй вариант: ты, как утверждает твой друг, просто сбежала погулять, насладиться своеобразной свободой и тогда совершенно случайно встретила с убийцей. Но почему ты пошла за ним? Ты была осторожна. Значит, он должен был чем-то привлечь тебя, но чем? Как он тебя контролировал? Наркотиков и других психотропных средств в крови обнаружено не было, хотя есть и такие, которые быстро выветриваются, но они стоят дороже и приобрести их в нашей стране очень трудно, если только ты не медик, химик или ветеринар. Ветеринар? Хм... – Ева сделала запись в своём блокноте. Она почти всегда разговаривала вслух, начиная расследовать новое дело, так она старалась задействовать как можно больше чувств: слух, зрение, осязание. Ева верила в своё подсознание. – Но как тогда ты ввёл этот препарат? Хлороформ? Сразу нет, тогда были бы ожоги кожи и дыхательных путей. Тогда укол. Но видимых следов патологоанатом не обнаружил. Стоит ещё раз поискать? Хм... Возможно, он просто не заметил, мог свою роль сыграть человеческий фактор. Стоит заострить на этом внимание и поискать возможные раны от уколов на других жертвах, – Ева сделала ещё одну запись. – Чёрт, слишком сложно для второго варианта, исключать нельзя, но слишком сложно. Скорее всего, ты его знала, Олеся, знала и пошла за ним. Так почему ты никому о нём не рассказывала и не писала в дневнике? Хотела оставить что-то для себя или стыдилась чего-то? Ты ведь необычная девушка: умная, осторожная, с обидчиками агрессивная. Ты бы не доверилась никому. Так в чём его сила? Чем он тебя увлёк? Тем же, чем увлёк первую жертву? – Ева посмотрела на второй снимок. – Пока я тебя мало знаю, но ты совсем не похожа на Олеся. Во-первых, у тебя есть родители, которые живут в Москве. Ты явно старше и самостоятельнее. Зачем ты приехала в этот город? Из Москвы? Ты молода, значит, либо учёба, либо работа. А из Москвы сюда приезжают учиться и работать только либо конченные романтики, либо любители творческих профессий. Художница? Возможно... Итак, девочки, у вас разные интересы, разные жизненные ситуации и мечты. Внешне вы совершенно не похожи. Так почему именно вы? Даже для подражателя нужны жертвы определённого психотипа. Так что же в вас его привлекло? Что между вами общего? Что нашёл он, чего не вижу я? А ещё ты, – Тайнова смотрела на фотографию отрубленной или отрезанной, а это огромная разница, кисти руки. – Ты сейчас самый загадочный персонаж данной истории: мужчина лет двадцати – тридцати пяти, и это всё, что сейчас можно про тебя сказать. Что тебя вообще связывает с девочками? Нет, ребята,

вы все настолько разные, что не можете быть случайными жертвами. Он за вами долго следил, и вы как-то связаны, и я должна выяснить, как.

– Ева Александровна? Я карту купила, а ещё я видела у входа в здание двух плачущих людей, думаю, они идут к вам. Вы ведь любите беседовать с рыдающими людьми, – Татьяна стояла у входа в кабинет с огромным свитком бумаги. – Так мы сейчас будем вешать карту?

– Нет. Спрячь её пока у себя и сделай чай с какой-нибудь успокаивающей травой.

– Травой? – Таня недвусмысленно улыбнулась.

– Прекрати. Ты знаешь, о чём я. Не знаю, с мятой или мелиссой, с чем там обычно пьют чай для успокоения?

– Ева Александровна, у меня нет ни травы, ни мелиссы, ни чая! Вы постоянно пьёте кофе, как сумасшедшая, поэтому сейчас я беспомощна.

– Так найди чай! Не беси меня, только не сейчас!

– Ой, они уже идут. Удачи вам!

Таня скрылась с огромным свёртком бумаги, и Ева надеялась, что она ушла на поиски чая.

Через пару минут в холле приёмной Тайнова увидела их. Женщина лет шестидесяти находилась почти в бессознательном состоянии, глаза от постоянных слёз заплыли, а на веках прослеживались следы поражения кожи от неоднократных протираний платком. Она еле шла, и если бы не мужчина, который вёл её под руку, то точно бы упала. Сам мужчина был либо ровесником, либо старше женщины на пару лет. Он абсолютно седой, невысокого роста, но подтянутый для своих лет человек. Мужчина не плакал, но всё его тело, лицо, движения показывали внутреннюю борьбу агрессии с бессилием от утраты любимого человека. Тайнова училась, как вести себя в подобных ситуациях, но не знала, как им помочь. Не знала, как можно помочь родителям, которые только что лишились своего ребёнка.

– Здравствуйте. Проходите.

– Марина Викторовна, Владимир Алексеевич, это следователь Тайнова Ева Александровна. Ева Александровна, это Марина Викторовна и Владимир Алексеевич, родители Светланы, – Ева поняла намёк Вадима, теперь она знала, что жертву звали Светлана.

– Проходите, садитесь, – Ева пригласила их в свой кабинет и, когда гости устроились, продолжила: – Я не понимаю, насколько вам сейчас сложно, и не пойму до тех пор, пока сама не стану родителем, но всё же в данной ситуации вы должны понять и меня, если хотите наказать убийцу вашей дочери. Я хочу его найти не меньше, чем вы, на это у меня свои причины, но мне нужны ответы. Для этого я должна знать о вашей дочери всё, даже то, что, как вам может казаться, не имеет большого значения. Сейчас, именно в данную минуту, вы должны ради своей дочери рассказать мне всё.

– Что вы хотите знать? – первым грубым низким голосом заговорил мужчина. Ева посмотрела на следователя Голову, так как она совершенно не знала историю жертвы, и Голова понял намёк.

– Расскажите нам о Светлане. Насколько мы знаем, она училась в государственном университете кино и телевиденья нашего города?

– Да, – продолжил отец. – Сколько помню, она всегда хотела быть актрисой, я это увлечение не особо понимал, но мать всегда её поддерживала.

– А почему она приехала обучаться именно в наш город, а не осталась в Москве? Насколько мне известно, она первоначально поступила в Российский университет театрального искусства и доучилась там до второго курса. Почему она так резко ушла и перевелась сюда? – Голова говорил мягко, с тем сочувствием, с которым только мог говорить следователь, навидавшийся всего в своей жизни. Но Ева заметила одну деталь. Важную деталь. В тот момент, когда Голова говорил о переводе их дочери в университет в другом городе, плачущая мать буквально на секунду замерла и с силой сжала руку своего мужа, словно не давая ему

наговорить лишнего. С другой стороны, это вполне мог быть нервный тик на фоне пережитых событий.

– Она тогда сказала, что чувствует, будто сможет раскрыть весь свой потенциал только в этом городе и что сердце зовет её сюда, ну а когда Свету приняли в этот вуз на второй курс без каких-либо проблем, мы не были против, – мужчина спокойно договорил и опустил свой взгляд.

Тут в разговор вступила Тайнова:

– У вас есть ещё дети?

– Да, старшая дочь. Ирина. Её зовут Ирина, – говорил только отец, и этот факт смущал Еву.

– Почему она не приехала с вами? Они со Светланой не были близки? – ещё раз Тайнова заметила, как мать сжала руку отца.

– Нет. Они очень любили друг друга, просто у Ирины своя семья: муж и сын. Внук ещё совсем маленький, чтобы его оставлять одного.

– Сколько лет вашему внуку?

– Пять лет, – отец говорил, уставившись в пол. Он явно не хотел иметь зрительного контакта со следователем.

Тайнова понимала, что отец говорит полную ересь. Может, Ирина и не приехала бы на опознание тела её любимой сестры из-за ребёнка, которому нет и года, ну, два года, но не пять лет. В этом возрасте его вполне можно оставить с отцом. Значит, она не приехала по другим причинам. И эти причины были весьма серьёзными, если старшая дочь решила оставить своих пожилых родителей один на один с такой трагедией. Тут два варианта: либо она конечная сука, либо ненавидит сестру. Тайнова чувствовала, что родители что-то скрывают, но не могла понять, что именно и как это может относиться к делу.

Еве не раз приходилось допрашивать родственников убитых людей, и всегда, абсолютно всегда её вводил в ступор тот факт, что они постоянно врал и врут. Врут по мелочам, как им кажется. Но каждая их ложь впоследствии приводит к тому, что поймать преступника становится буквально невозможно. В её практике было столько случаев, когда она, держа в руках растерзанного ребёнка, смотрела в глаза его родителей, а они врал. Врала о том, что жена изменяла мужу или муж изменял жене, и брошенные любовник или любовница в состоянии аффекта принимали решение отомстить предателям посредством их ребёнка. А они не хотели говорить, прикрывая свои собственные грешки. Эгоизм. Но всё это замедляет следствие. Ева никогда не понимала таких людей, но хорошо чувствовала их ложь. Жаль только, чувства следователя никогда не учитываются в суде и на них сложно положиться при расследовании.

– Владимир Алексеевич, мы ведь знаем, что ваша старшая дочь не приехала на опознание по другим причинам, – Ева понимала, что блефует, но сейчас это был необходимый блеф. – Так... – Тайнова не успела закончить свою мысль, как в диалог вступила мать:

– Я всегда воспитывала своих детей одинаково! Они обе хорошие девочки! Ирина тут ни при чём. Зачем вы сейчас нас мучаете? В тот момент, когда мы должны найти упокоение своей душе, вы нас мучаете! Бог вас накажет за это!

– Хорошо бы он нас не наказал до того, как мы найдём убийцу вашей дочери, Марина Викторовна, – Ева ненавидела религиозных фанатиков всем сердцем, будь то терроризм или единственный случай вспышки религиозной активности, в обоих вариантах всегда страдают люди, при терроризме – много людей, при семейной фанатичной религиозности – один, обычно ребёнок.

– Владимир Алексеевич, – Ева видела, что отец больше настроен на сотрудничество, чем мать, – расскажите нам всё, от этого зависит, как скоро мы найдём убийцу вашей дочери.

– Мы не знаем, честно! Если бы я знал хоть что-нибудь, что помогло бы вам найти этого изверга, я бы всё рассказал! Но ничего не знаю! Светочка моя, – отец начал рыдать, – Светочка

моя всегда была особенной, а я не замечал. Всё говорил, что актёрство – это не дело. Да мать тоже на словах поддерживала, но считала это делом неприличным, вот только что мы, тупые старики, можем понимать? Вот Ирка её всегда поддерживала, направляла. Это она помогла ей поступить в университет. Света нежная, людей любила, искала в них добро. Верила в жизнь и в любовь. Думала, что исправить что-то может, думала, что люди могут быть добрее. Всегда рядом со мной была, а потом прибежала и сказала, что уезжает, что к вам в город поступила без потери курса. И говорит мне, мол, там я буду счастлива. А я что? Говорит, что будет счастлива, я и поверил! Я же не знал, что нам с матерью потом придётся её тельце четвертованное опознавать, – отец уже не говорил, а орал, не пытаясь сдерживать истерику. – Четвертовали, изуродовали лицо, обесчестили, так что я теперь могу сделать? Что могу? Сказали бы мне тогда: «Решай: она или ты?» Я бы без раздумий себя выбрал! А теперь что я могу сделать?! – отец, не сдерживая слёз, дрожа всем телом, опёрся на плечо жены.

Монолог постепенно превращался в истерические вопли. В таком состоянии, в котором сейчас находились потерпевшие, узнать что-либо о жертве и её жизни было невозможно. Но Ева чувствовала, что мать что-то недоговаривает, и с этим стоит разобраться. Она вопрошающе посмотрела на коллегу, но тот лишь слегка покачал головой в знак отрицания.

– Следователь Голова, вы можете проводить родителей Светланы?

– Да. Конечно.

– Только потом вернитесь.

– Хорошо.

После Ева больше никогда не видела лиц этих людей, но всё же слышала их голос, по крайней мере, одного из них.

Она обессиленно опёрлась на спинку стула, размышляя над только что услышанными словами. Информации было немного, но всё же чёрная дыра постепенно рассеивалась, приобретая хоть какую-то форму.

– Чай с бергамотом подойдёт? – смущённо сказала Татьяна, смотря в маленькую щель приоткрытой двери.

– Если только он может воскрешать людей... Заходи.

– Я никак не могу понять, как вы к этому привыкаете? Я всё слышала и сама еле сдерживала слёзы... А... А девушку что, правда разрезали?

– Правда.

– Да уж, чай с бергамотом точно не поможет. А я могу чем-нибудь помочь?

– Давай повесим карту.

К тому моменту, как девушки закончили с картой, в кабинет к Тайновой снова зашёл Голова, он, не спрашивая разрешения, сел на стул и уставился на доску с фотографиями изуродованных людей.

– Я не знаю, как ты, Тайнова, а я с таким впервые сталкиваюсь. Ты рассмотрела все снимки с места обнаружения трупа? А её лицо, что это за психопатия такая?

– Татьяна, спасибо, можешь идти, – помощница бросила мимолётный взгляд на пришедшего мужчину и без звука покинула кабинет. – Ты ещё не знаешь про остальных жертв. Про руку сама пока ничего не знаю, звонил Зобов, говорит, труп нашли, эксперты работают. Про первую обнаруженную девушку расскажу чуть позже. А сейчас я хочу знать всё про Светлану. Я правильно понимаю, что вы так быстро опознали тело, так как она находилась в розыске, и инициаторами были не её родители?

– Да. По имеющемуся у меня отчёту о пропаже девушки заявили её парень, Михайлов Илья Сергеевич, и её подруга, Ибрагимова Ада Юрьевна. Я уже вызвал их на повторный допрос. Должны подъехать через час.

– Значит, у нас есть час, чтобы ты поделился со мной всем, что есть у вас по этому делу. Что по поводу тела?

– Патологоанатом говорит, что при жизни девушка не страдала хроническими болезнями, не курила, не принимала наркотиков и не злоупотребляла спиртным. По отчёту экспертизы смерть наступила две недели назад, причина смерти – асфиксия дыхательных путей. После смерти тело было разрублено на шесть частей, предположительно топором. Но что характерно и что совершенно не укладывается в моей голове: раны на её лице были нанесены при жизни. То есть он сначала её изуродовал, затем задушил и впоследствии расчленил. Грёбаный ублюдок. Никаких следов других внешних воздействий не обнаружено.

– Следы изнасилования?

– Патологоанатом затрудняется сказать, так как область гениталий сильно повреждена. Около 7 колото-резаных ран в области половых органов, также нанесённых после смерти жертвы. Можно твёрдо сказать, что убивал он её не на месте обнаружения тела, так как крови почти не было, значит, он перевёз жертву.

– Чем были нанесены раны? Что они говорят?

– В области гениталий и разрезы на лице – ножом с длинным тонким лезвием. Вот, держи, здесь полный отчёт.

– А кто обнаружил тело?

– Двое мальчишек десяти и семи лет. Играли с мячом недалеко от места, один из них заметил нечто странное, похожее на манекен, они решили подойти и рассмотреть получше, а когда старший понял, что это такое на самом деле, то побежал к родителям. Они, естественно, не поверили. Отец старшего мальчика пошёл проверить, что увидели дети, а когда сам во всём убедился, то вызвал полицию. Мы уже допросили свидетелей и проверили на возможную причастность отцов. Но у них есть алиби. Один на момент пропажи и предполагаемого времени убийства жертвы был в деловой поездке. Другой все вечера проводит с семьёй. Жена подтвердила его показания.

– Рядом есть церкви?

– В непосредственной близости нет.

– Но ему было важно привезти тело именно туда. Почему?

– Подальше от места своего жительства, чтобы замести следы?

– Тогда почему он выкинул второе в другом районе? Ведь мы обнаружили вторую жертву раньше, чем первую. Зачем так рисковать и менять схему избавления от жертв, тем более что третья жертва найдена тоже в другом районе? Он уверен в себе и в своей безнаказанности. Вот, возьми, – Ева протянула собеседнику папку. – Здесь вся имеющаяся информация и отчёты по второй жертве. Её звали Олеся, и она сбежала из детдома, после чего была найдена убитой. А про третьего ничего пока не известно.

– Она была изнасилована. Ну, хоть точно можем исключить женщин из списка убийц.

– Да, и я почти уверена, что наш неизвестный в обычной жизни импотент, а возбуждается только в момент сексуального садизма. И он ненавидит женщин. Винит их в своей неполноценности.

– Но третья жертва вроде мужчина. Тут явная нестыковка.

– Не вроде, а мужчина. Но убийца может быть неопределённой сексуальной ориентации. Его могут возбуждать фантазии, связанные как с женщинами, так и с мужчинами. Или он гей. Что тоже вполне вероятно. В момент полового созревания он мог осознать своё влечение к лицам своего пола, но строгое воспитание и нормы социального поведения вызывали в нём внутренний конфликт. В последующем отношения с женщинами так и не складывались, что вылилось в агрессию по отношению к ним, какую мы видим в первых двух случаях, а третья жертва – это уже выбор зрелого убийцы с точным осознанием того, какой тип жертв он предпочитает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.